

Александр
ЗВЯГИНЦЕВ

НЮРНБЕРГ:

ГЛАВНЫЙ ПРОЦЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

К 70-летию Нюрнбергского процесса

Александр Григорьевич Звягинцев
Нюрнберг. Главный
процесс человечества
Серия «К 70-летию
Нюрнбергского процесса»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25254742
Звягинцев, Александр Григорьевич. Нюрнберг : главный процесс
человечества: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-91716-7

Аннотация

Нюрнбергский международный военный трибунал быстро – и не напрасно – окрестили «процессом века». Книга известного юриста и историка А.Г. Звягинцева – самое полное и всестороннее исследование этого процесса. Книга основана на редких архивных документах, малодоступных источниках, новейших исследованиях, а также воспоминаниях современников и непосредственных участников тех событий. Решения Нюрнбергского трибунала не только подвели черту под преступлениями нацистов в ходе Второй мировой войны и дали оценку нацизму и фашизму как системе. Оценки трибунала самым серьезным образом повлияли на всю

систему международного права и послевоенных международных отношений. Сегодня, когда международная агрессия – тяжчайшее преступление по определению Нюрнбергского трибунала – становится едва ли не обыденным явлением, работа А.Г. Звягинцева актуальна, как никогда.

Содержание

Предисловие	7
От автора	10
Часть 1	21
Глава 1	21
Глава 2	35
Глава 3	40
Глава 4	51
Глава 5	56
Глава 6	65
Мероприятие «Архив»: окончательное решение по останкам Адольфа Гитлера	66
Прах фюрера унесла река Бидериц	70
Часть 2	73
Глава 7	73
Форма не всегда дисциплинировала содержание	81
Глава 8	93
Главный обвинитель от СССР	93
Помощники Главного обвинителя от СССР	122
Члены Международного военного трибунала	132
Следственная группа при Главном обвинителе от СССР	134

Консультант	136
Судьи от стран-союзниц	136
Помощники судей	138
Главные обвинители	139
Глава 9	143
Глава 10	156
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Александр Звягинцев

Нюрнберг: главный процесс человечества

© А.Г. Звягинцев, 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Предисловие

Более 70 лет назад завершилось самое значительное судебное разбирательство в истории человечества – Нюрнбергский процесс. Он подвел черту под длительными дискуссиями, проходившими на заключительном этапе Второй мировой войны и после ее окончания, об ответственности фашизма и нацизма за страшные преступления против человечности.

Нюрнбергский процесс, его работа, завершение и решения явились отражением политических реалий того времени, демонстрируя общность позиций стран – участниц антигитлеровской коалиции, объединившихся во имя борьбы против фашистской угрозы миру.

Решения Международного военного трибунала создали важнейший правовой прецедент, согласно которому были осуждены не просто преступники, но и политическая система, породившая эти преступления, – нацизм, его идеология, экономическая составляющая и, конечно, все военные и карательные органы нацистского рейха.

Важным решением трибунала было и то, что он отверг доводы обвиняемых генералов и их защитников о том, что они всего лишь выполняли приказы, тем самым поставив в условия правовой ответственности не только тех, кто отдавал преступные приказы, но и их исполнителей.

Нюрнбергский процесс ввел еще одну важнейшую норму, отменив срок давности за преступления фашизма и нацизма против человечности. Это положение чрезвычайно важно и актуально и в наши дни, когда в ряде стран делается попытка предать забвению преступления прошлых лет и тем самым оправдать преступников.

На Нюрнбергском процессе был остро поставлен и вопрос о сотрудничестве с фашизмом и нацизмом. В решениях трибунала этот вопрос был выделен в особом пункте. На их основании вслед за Нюрнбергским процессом во многих странах Европы прошли суды, и некоторые деятели, даже самого высокого ранга, были осуждены.

Эти решения сегодня также весьма актуальны. Не секрет, что в ряде стран сейчас не только не осуждают тех, кто пособничал нацистам, но и устраивают парады и смотры тех, кто с оружием в руках воевал в годы Второй мировой войны в одном строю с фашистами, в том числе вместе с эсэсовскими формированиями.

В книге А. Г. Звягинцева рассмотрен широкий комплекс проблем, связанных с подготовкой, ходом и итогами Нюрнбергского процесса. Из этих материалов еще более ясными становятся и роль Советского Союза, и линия нашего обвинения на процессе века.

У нас в стране, да и в мире в целом уже давно не издавалось ни новых серьезных документальных сборников, ни исследовательских трудов по истории Нюрнбергского процес-

са.

Книга А. Г. Звягинцева восполняет этот пробел. Наряду с другими достоинствами ее ценность состоит еще и в том, что автор использовал многочисленные, ранее фактически неизвестные документы, в том числе из личного архива участников Нюрнбергского процесса.

В этой связи хочется обратить особое внимание на исследовательскую часть книги, где автор выходит на уровень обобщения и анализа документов, событий, фактов, делится воспоминаниями о встречах с людьми, имеющими непосредственное отношение к освещаемой теме. И здесь чувствуется особый нерв и глубокая обеспокоенность ситуацией в мире.

Обращаясь сегодня к истории 70-летней давности, мы еще раз не только говорим о таких «уроках Нюрнберга», как неприятие и осуждение ксенофобии, насилия, отказ от агрессии, воспитание людей в духе уважения друг к другу, терпимости к иным взглядам, национальным и конфессиональным различиям, – но и как прежде заявляем, что никто не забыт, ничто не забыто. И настоящая книга призвана поддерживать этот вечный огонь памяти.

*А. О. Чубарьян, академик РАН, директор Института
всеобщей истории РАН*

От автора

Человечество давно научилось судить отдельных злодеев, преступные группировки, бандитские и незаконные вооруженные формирования. Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба – правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. С тех пор прошло 70 лет...

8 августа 1945 г., через три месяца после Победы над фашистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили соглашение об организации суда над главными военными преступниками. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: надо было дать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и трибунал стал с полным правом называться Судом народов.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и продолжался почти 11 месяцев. Перед трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. Такого в истории еще не было. Также впервые был

рассмотрен вопрос о признании преступными ряда политических и государственных институтов – руководящего состава фашистской партии НСДАП, штурмовых (СА) и охранных (СС) ее отрядов, службы безопасности (СД), тайной государственной полиции (гестапо), правительственного кабинета, Верховного командования и Генерального штаба.

Суд не был скорой расправой над поверженным врагом. Обвинительный акт на немецком языке был вручен подсудимым за 30 дней до начала процесса, и далее им передавались копии всех документальных доказательств. Процессуальные гарантии давали обвиняемым право защищаться лично или при помощи адвоката из числа немецких юристов, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т. д.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали также книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений.

Все 403 заседания трибунала были открытыми. В зал суда было выдано около 60 тысяч пропусков. Работу трибунала широко освещала пресса, велась прямая радиотрансляция.

«Сразу после войны люди скептически относились к Нюрнбергскому процессу (имеются в виду немцы), – ска-

зал мне летом 2005 г. заместитель председателя Верховного суда Баварии господин Эвальд Бершмидт, давая интервью съемочной группе, которая тогда работала над фильмом «Нюрнбергский набат». – Это все-таки был суд победителей над побежденными. Немцы ожидали мести, но необязательно торжества справедливости. Однако уроки процесса оказались другими. Судьи тщательно рассматривали все обстоятельства дела, они доискивались правды. К смертной казни приговорили виновных. Чья вина была меньше – получили другие наказания. Кое-кто даже был оправдан. Нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство перед законом для всех – и для генералов, и для политиков».

30 сентября – 1 октября 1946 г. Суд народов вынес свой приговор. Обвиняемые были признаны виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двенадцать из них трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Другим предстояло отбыть пожизненное заключение или длительные сроки в тюрьме. Трое были оправданы.

Были объявлены преступными главные звенья государственно-политической машины, доведенные фашистами до дьявольского идеала. Однако правительство, Верховное командование, Генштаб и штурмовые отряды (СА), вопреки мнению советских представителей, таковыми признаны не были.

Член Международного военного трибунала от СССР И. Т.

Никитченко с этим изъятием (кроме СА), как и оправданием троих обвиняемых, не согласился. Он также оценил как мягкий приговор о пожизненном заключении Гесса. Советский судья изложил свои возражения в особом мнении. Оно было оглашено в суде и составляет часть приговора.

Да, по отдельным проблемам среди судей трибунала существовали серьезные разногласия. Однако они не идут ни в какое сравнение с противоборством взглядов на одни и те же события и персоны, которое развернется в будущем.

Но сначала о главном. Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое и по сей день крупнейшее правовое деяние Объединенных Наций. Единые в своем неприятии насилия над человеком и государством народы мира доказали, что они могут успешно противостоять вселенскому злу, вершить справедливое правосудие.

Горький опыт Второй мировой войны заставил всех по-новому взглянуть на многие проблемы, стоящие перед человечеством, и понять, что каждый человек на земле несет ответственность за настоящее и будущее. Тот факт, что Нюрнбергский процесс состоялся, говорит о том, что руководители государств не смеют игнорировать твердо выраженную волю народов и опускаться до двойных стандартов.

Казалось, перед всеми странами открылись блестящие перспективы коллективного и мирного решения проблем для светлого будущего без войн и насилия.

Но, к сожалению, человечество слишком быстро забывает

уроки прошлого. Вскоре после известной Фултонской речи Уинстона Черчилля, несмотря на убедительные коллективные действия в Нюрнберге, державы-победительницы разделились на военно-политические блоки, и работу Организации Объединенных Наций осложнило политическое противоборство. Тень «холодной войны» на долгие десятилетия опустилась над миром.

В этих условиях активизировались силы, желающие пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить и даже свести к нулю главенствующую роль Советского Союза в разгроме фашизма, поставить знак равенства между Германией, страной-агрессором, и СССР, который вел справедливую войну и ценой огромных жертв спас мир от ужасов нацизма. 26 миллионов 600 тысяч наших соотечественников погибло в этой кровавой бойне. И больше половины из них – 15 миллионов 400 тысяч – это были мирные граждане.

Появилась масса публикаций, фильмов, телевизионных передач, искажающих историческую реальность. В «трудах» бывших храбрых наци и других многочисленных авторов обеляются, а то и героизируются вожди Третьего рейха и очерняются советские военачальники – без оглядки на истину и действительный ход событий. В их версии Нюрнбергский процесс и преследование военных преступников в целом – всего лишь акт мести победителей побежденным. При этом используется типичный прием – показать известных фашистов на бытовом уровне: смотрите, это самые обычные и да-

же милые люди, а вовсе не палачи и садисты.

Например, рейхсфюрер СС Гиммлер, шеф самых зловещих карательных органов, предстает нежной натурой, сторонником защиты животных, любящим отцом семейства, ненавидящим непристойности в отношении женщин.

Кем была эта «нежная» натура на самом деле? Вот слова Гиммлера, произнесенные публично: «...Как себя чувствуют русские, как себя чувствуют чехи, мне абсолютно все равно. Живут ли другие народы в благоденствии или вымирают с голоду, меня интересует лишь постольку, поскольку мы можем их использовать в качестве рабов для нашей культуры, в остальном мне это совершенно все равно. Умрут ли при строительстве противотанкового рва 10 тысяч русских баб от истощения или нет, меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров должен быть построен для Германии...»

Это больше похоже на правду. Это – сама правда. Откровения в полной мере соответствуют образу создателя СС – самой совершенной и изощренной репрессивной организации, творца системы концлагерей, ужасающих людей по сей день.

Теплые краски находятся даже для Гитлера. В фантастическом по объему «гитлероведении» он – и храбрый воин Первой мировой войны, и артистическая натура – художник, знаток архитектуры, и скромный вегетарианец, и образцовый государственный деятель. Есть точка зрения, что, если бы фюрер немецкого народа прекратил свою деятельность в

1939 г., не начав войны, он вошел бы в историю как величайший политик Германии, Европы, мира!

Но есть ли сила, способная освободить Гитлера от ответственности за развязанную им агрессивную, самую кровавую и жестокую мировую бойню? Конечно, позитивная роль ООН в деле послевоенного мира и сотрудничества присутствует, и она абсолютно бесспорна. Но несомненно и то, что эта роль могла быть гораздо весомее.

К счастью, глобальное столкновение не состоялось, но военные блоки нередко балансировали на грани. Локальным конфликтам не было конца. Вспыхивали малые войны с немалыми жертвами, в некоторых странах возникали и утверждались террористические режимы.

Прекращение противостояния блоков и возникновение в 1990-х гг. однополярного мироустройства не добавило ресурсов Организации Объединенных Наций. Некоторые политологи даже высказывают, мягко говоря, очень спорное мнение, что ООН в ее нынешнем виде – устаревшая организация, соответствующая реалиям Второй мировой войны, но никак не сегодняшним требованиям.

Приходится констатировать, что рецидивы прошлого в наши дни во многих странах гулким эхом звучат все чаще и чаще. Мы живем в беспокойном и нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия между развитыми и остальными государствами становятся все острее. Появились глубокие трещины по границам культур, ци-

вилизаций.

Возникло новое, масштабное зло – терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, в частности намеренное игнорирование международного и внутреннего права, полное пренебрежение моралью, ценностью человеческой жизни. Неожиданные, непредсказуемые атаки, цинизм и жестокость, массовость жертв сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы.

В самой опасной, международной, разновидности это явление направлено против всей цивилизации. Уже сегодня оно представляет серьезную угрозу развитию человечества. Нужно новое, твердое, справедливое слово в борьбе с этим злом, подобное тому, что сказал 70 лет назад германскому фашизму Международный военный трибунал.

Успешный опыт противостояния агрессии и террору времен Второй мировой войны актуален по сей день. Многие подходы применимы один к одному, другие нуждаются в переосмыслении, развитии. Впрочем, выводы вы можете сделать сами.

В этой книге изложены самые яркие эпизоды Суда народов. В ней представлены ранее не публиковавшиеся материалы, свидетельства очевидцев, недавно рассекреченные архивные документы. Во многом благодаря этому удалось более полно и всесторонне взглянуть на Нюрнбергский процесс, открыть для широкого круга читателей его неизвест-

ные страницы, понять мотивацию поведения участников трибунала, поступков глав государств и правительств в контексте истории.

Не секрет, что популяризаторы фашизма имеют определенное влияние на молодые умы, что таит огромную опасность для будущих поколений. Книга составлена так, чтобы быть понятной в том числе и для юных читателей. В ней нет заумных рассуждений, нравоучений, зато есть горькая правда жизни. Тот, кто хочет иметь собственное и квалифицированное мнение об истории, особенно об истории военных преступлений, с интересом прочтет этот труд.

Некоторые темы автор подал под углом собственных представлений и вновь открывшихся фактов. В книге также развенчиваются или дезавуируются некоторые распространенные стереотипы и мифы. Время не только хоронит секреты, но иногда выдает их, в том числе и через десятилетия. Может быть, автору повезло больше, чем предшественникам, обращавшимся к истории Нюрнбергского процесса, ибо начиная с 1970 г. ему довелось встречаться с Романом Андреевичем Руденко, слушать его выступления, в том числе и воспоминания о Нюрнбергском процессе, которые всегда и везде становились предметом обсуждения. Обо всем, что было связано с Нюрнбергом, о деятельности Р. А. Руденко, мне рассказывали не только его братья – Николай Андреевич и Антон Андреевич, но и другие родственники и ближайшие сподвижники, в том числе непосредственно рабо-

тавшие под его началом в Нюрнберге. Представленные ими документы и фотографии стали ценным дополнением к фактологической составляющей книги, как и мнения авторитетных российских и зарубежных исследователей.

Время – суровый судья. Оно абсолютно. Будучи не детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, – будь то конкретный человек или целые народы и государства. К сожалению, стрелки на его циферблате никогда не показывают человечеству вектор движения, зато, неумолимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письма тем, кто пытается с ним фамильярничать.

Да, порой не такая уж бескомпромиссная мать-история взваливала реализацию решений Нюрнбергского трибунала на очень слабые плечи политиков. Поэтому и неудивительно, что коричневая гидра фашизма во многих странах мира вновь подняла голову, а шаманствующие апологеты терроризма каждый день рекрутируют в свои ряды все новых и новых прозелитов.

Деятельность Международного военного трибунала нередко называют «Нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей Третьего рейха, распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправдана. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, в 1945–1946 гг., в эйфории Великой Победы. Никто сегодня не может утверждать, что свобода и де-

мократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно.

В этой связи напрашивается вопрос: сколько и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также на уважении прав личности...

Часть 1

До начала процесса

Глава 1

Карать нацистов на месте или судить цивилизованно?

1 сентября 1939 г. войска фашистской Германии вторглись на территорию Польши. Это событие стало началом Второй мировой войны, самой кровопролитной и жестокой в истории человечества. Континент потрясли бомбардировки, артобстрелы, залпы расстрельных команд. Основой «нового немецкого порядка» в захваченных странах стал террор.

Агрессивные планы фашистов сбывались со зловещей быстротой. Первым большим результатом «блицкрига» – молниеносной войны – стала оккупация почти всей Европы. Нацистская идея мирового господства стала наполняться реальным содержанием.

Завладев ресурсами десятков стран, 22 июня 1941 г. гитлеровцы напали на СССР, видя в нашей стране очередную жертву блицкрига. Однако после успехов первого периода войны, объяснявшихся фактором внезапности, лучшим во-

оружием и боевым опытом, гитлеровцам пришлось расстаться с надеждой на быструю победу.

По мере продвижения захватчиков в глубь страны сопротивление советских войск не ослабевало, а нарастало. Официальное объявление войны руководством СССР как Великой Отечественной полностью соответствовало реальности. С нашей стороны борьба быстро приобрела всенародный, патриотический характер.

Действуя по детально проработанным сатанинским планам, фашисты с первых дней войны достигли предела жестокости и варварства в обращении с военнопленными и мирным населением. Массовые убийства ни в чем не повинных людей, отправка граждан в рабство, ограбление огромных территорий были обычной практикой. Наш народ поднялся на справедливую и священную войну с отчетливым желанием избавить себя и мир от абсолютного зла – «коричневой чумы» фашизма.

Сведения о чудовищных зверствах нацистов быстро стали достоянием общественности. Весь мир с нарастающим ужасом наблюдал за происходящим в странах, подвергшихся нашествию. Предложения о строгом наказании военных преступников стали нормальной человеческой реакцией на жуткие и омерзительные деяния.

Они исходили не только от общественности. Уже на первой стадии войны начались действия на государственном уровне. 27 апреля 1942 г. Правительство СССР вручило по-

слам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Комиссия собрала множество материалов, уличающих гитлеровцев в уничтожении миллионов мирных жителей, в том числе детей, женщин и стариков, в бесчеловечном обращении с военнопленными, а также в разрушении городов, сел, памятников старины и искусства, угоне в немецкое рабство миллионов людей. Это были показания свидетелей и потерпевших, документальные материалы – фотоснимки, акты экспертиз, эксгумации тел погибших, подлинные документы, изданные самими гитлеровцами и полностью их изобличающие.

Однако идея международного процесса возникла и утвердилась не сразу. Некоторые западные государственные деятели думали расправиться с военными преступниками, не заботясь о процедуре и формальностях. Например, еще в

1942 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль решил, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Это мнение он не раз высказывал и в дальнейшем.

Похожие идеи существовали и по другую сторону Атлантики. В марте 1943 г. Госсекретарь США К. Хэлл заявил на обеде, где присутствовал посол Великобритании в США лорд Галифакс, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство»¹.

Еще проще смотрели на эту проблему некоторые военные. 10 июля 1944 г. американский генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр предложил расстреливать представителей вражеского руководства «при попытке к бегству»².

Высказывались также мысли полностью уничтожить весь немецкий Генштаб, а это несколько тысяч человек, весь личный состав СС, все руководящие звенья нацистской партии, вплоть до низовых, и т. д. Президент США Франклин Д. Рузвельт не только не возражал соратникам, но фактически их поддерживал. 19 августа 1944 г. он заметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом».

¹ Ирвинг Д. Нюрнберг: Последняя битва. М.: Яуза, 2005. С. 20.

² Там же. С. 21.

Такие суждения были типичны для многих американцев. По данным социологического опроса 1945 г., 67 % граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане тоже горели жаждой мести и были в состоянии обсуждать, по замечанию одного из политиков, лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок.

Конечно, такие взгляды имели право на существование. Небывалые злодеяния фашистов вызывали ярость и всеобщее возмущение во многих странах, лишали людей терпения, столь необходимого для организации и ведения процессов по всем правилам юриспруденции. Внесудебные расправы все-таки вершились, и трудно обвинить, например, бойцов движения Сопротивления, расстрелявших диктатора Италии Бенито Муссолини. (27 апреля 1945 г. отряд партизан остановил автоколонну вермахта, в одном из грузовиков которой находился Муссолини, переодетый в немецкую форму. Он был опознан и задержан. На другой день прибывший из Милана полковник движения Сопротивления Валерио казнил диктатора, его любовницу Клару Петаччи и двух приближенных дуче. Затем тела убитых были вывешены вверх ногами на бензоколонке в Милане.)

Бойцы французского движения Сопротивления казнили без суда 8348 фашистов и их пособников.

Возмездие, конечно, состоялось, но несомненно и то, что в случае гласного суда урок истории более соответствовал

бы духу времени и понятиям законности и стал бы еще нагляднее и поучительнее.

Горячие головы предлагали уничтожить Германию как промышленное государство. Министр финансов США Генри Моргантау выдвинул «Программу по предотвращению развязывания Германией третьей мировой войны». В соответствии с ней предполагалось расчленение и децентрализация побежденной страны, полное уничтожение тяжелой промышленности и авиации, превращение ее в аграрную территорию под жестким контролем США и Великобритании. Моргантау думал превратить Германию в одно большое картофельное поле.

Этот план серьезно обсуждался, например, 11 сентября 1944 г. на встрече в Квебеке американского президента Франклина Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, однако принят не был. У плана нашлись серьезные противники, среди которых были британский министр иностранных дел Энтони Иден, Госсекретарь Соединенных Штатов Кордел Хэлл и министр обороны США Стимсон. В последующем произошла утечка информации в прессу. Реакция общественности была резко негативной. Пять американских профсоюзов приняли декларацию, отвергающую план как экономически не обоснованный и содержащий «семена новой войны». Однако Моргантау еще долго не оставлял попыток продвинуть свои «радикальные» идеи.

Гораздо дальновиднее западных политиков оказался Сталин, еще в начале войны выступивший за юридическую процедуру наказания военных преступников. Когда Черчилль пытался навязать ему свое мнение, Сталин твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!»

«Мы должны сделать так, – утверждал премьер-министр Великобритании на встрече со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 г., – чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!» Сталин был в принципе не согласен с такой постановкой вопроса. «Слишком жесткие меры возбуждают жажду мести», – ответил он Черчиллю.

Этот подход высказывался не только на переговорах. Требование о создании Международного военного трибунала содержалось, например, в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».

Еще в ходе войны в СССР состоялись первые процессы над нацистскими преступниками. Например, на заседании советского военного трибунала в Харькове в декабре 1943 г. было рассмотрено дело трех немецких офицеров, обвиненных в варварских казнях мирных граждан с применением

«газенвагенов», или, проще говоря, душегубок. Сам суд и публичная казнь осужденных стали темой документального фильма, показанного всей стране.

Постепенно к идее суда подходили и западные союзники. Наряду с циничными предложениями о трибунале как о формальном прикрытии предрешенного расстрела высказывались мысли о необходимости серьезного разбирательства и справедливых вердиктов.

«Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой, – говорил судья Роберт Х. Джексон, в будущем – Главный обвинитель на Нюрнбергском процессе от США, – то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости. Однако всем нам следует знать, что мировое сообщество не испытывает почтения к тем судам, которые изначально являются лишь инструментом вынесения обвинительного приговора».

Возможность проведения Международного суда заложили соглашения между союзниками о взаимопомощи в ведении войны против агрессии и о сотрудничестве в послевоенное время в интересах мира и безопасности. Крепкой основой совместной деятельности стало создание Организации Объединенных Наций. Конференция представителей СССР, Великобритании, США и Китая по вопросу об образовании ООН состоялась 21 августа – 28 сентября 1944 г. в Вашинг-

тоне.

Тема наказания военных преступников, развязавших Вторую мировую войну, неоднократно возникала при встречах глав государств и правительств Великобритании, США, СССР и других стран.

Контуры будущих действий обозначались все яснее. 17 июля – 2 августа 1945 г. работала Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, Великобритании и США. На ней решались проблемы послевоенного устройства Европы, были приняты важные решения о демилитаризации и денацификации Германии и в том числе о наказании военных преступников. Союзники приняли официальное обязательство судить виновных скорым и справедливым судом. В итоговом документе отмечалось, что на ведущихся переговорах в Лондоне будет выработано согласованное мнение по этой проблеме и установлен конкретный срок начала процесса.

Историческая Лондонская конференция проходила в Черч-Хаусе (Вестминстер). Принятию Устава Международного военного трибунала и других документов предшествовала долгая и кропотливая работа.

Атмосфера конференции была напряженной из-за огромной ответственности участников встречи. Международный военный трибунал обещал стать грандиозным мировым событием, открывающим новую эпоху международного сотрудничества. Небывалым был и масштаб преступлений.

Страницы газет и журналов пестрели леденящими душу подробностями о зверствах фашистов, перед глазами участников встречи стояли руины некогда цветущих городов и селений. Многотомные документальные свидетельства преступлений нацистов вызвали определенную растерянность у опытных юристов.

Первое заседание конференции состоялось 21 июня. На нем рассматривался список обвиняемых, были назначены четыре подкомиссии для решения спорной ситуации между англичанами и американцами, расходившимися во мнении о том, каков должен быть подход к судопроизводству: на основе поименного списка, по мнению англичан, или на основе предварительного сбора улик, как считали американцы.

Советская делегация на первом заседании не присутствовала. Заместитель народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинский в ответ на запрос сообщил, что представители СССР прилетят 23 июня. Однако советская делегация прибыла 26 июня и сразу внесла конструктивное предложение подписать соглашение или протокол, в который в дальнейшем будут внесены необходимые изменения или добавления. Таким образом, будет выработан Устав суда, который определит правила и процедуры процесса. Предложение было принято.

Началась работа над Уставом Международного военного трибунала. Сразу возникли споры. Ведь все договаривающиеся стороны имели разные правовые системы. В каждой

стране существовали свои национальные школы, действовало свое национально-процессуальное законодательство. Роберт Х. Джексон вспоминал, что испытал нечто наподобие шока, «услышав, как российская делегация отзывается о нашей англо-американской практике [обвинения], считая ее несправедливой по отношению к подсудимым. Они приводили следующий довод: мы предъявляем обвинения в общих чертах и затем представляем доказательства на суде. Их подход требует, чтобы при предъявлении обвинения обвиняемому были предоставлены все доказательства, использованные против него, как документы, так и показания свидетелей. Обвинительный акт в такой форме превращается в доказательственный документ. Таким образом, три судебных разбирательства становятся не столько делом изложения доказательств обвинительного акта, сколько попытки подсудимого опровергнуть доказательства, изложенные в обвинительном акте. Таким образом, они полагают, что поскольку континентальная система права возлагает бремя доказывания на подсудимого, то англо-американская система права кажется им несправедливой, так как она не дает подсудимому представления о полном объеме доказательств, собранных против него. Когда мы представляем их в суде, то многие могут быть удивлены и, возможно, не смогут адекватно отреагировать, поскольку слишком поздно предпринимать какие-либо действия. Считается, что наш подход превращает уголовное судопроизводство в игру. В этой критике определенно есть

рациональное зерно».

Устав стал главным документом, определяющим организацию и порядок деятельности Международного военного трибунала. В нем был зафиксирован, например, состав трибунала: по одному судье и его заместителю от каждой из четырех стран-победительниц – СССР, США, Великобритании и Франции. Назначались они правительствами соответствующих государств.

Устав трибунала дал процессуальные гарантии подсудимым, а именно: право защищаться на суде лично или при помощи адвоката, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять суду доказательства в свою защиту, давать объяснения по предъявленным им обвинениям, допрашивать свидетелей лично или через адвоката, обращаться к суду с последним словом. Устав предусматривал вручение обвиняемому копии обвинительного акта на немецком языке до начала судебного процесса.

Многие взаимоприемлемые решения на конференции давались трудно. Самая серьезная проблема состояла в противоречиях между правовыми системами СССР, Великобритании, США и Франции, учреждавших трибунал. Преодоление их требовало больших затрат времени и нервов, длительных дискуссий, уступок. Компетентность юристов стран-победительниц не вызывала сомнений, но их правовые и политические воззрения были порой резко противоположными. К чести этих людей, они старались находить компромисс и

выполнили возложенную на них мировым сообществом обязанность.

8 августа 1945 г., в день подписания соглашения, главные обвинители от каждой из четырех стран собрались на первое совместное заседание для составления согласованного списка подсудимых. Все сходились во мнении, что это будет, скорее всего, 10–12 человек из разных властных структур нацистов. Представитель СССР И. Т. Никитченко настаивал, что в списке обязательно должны находиться также и промышленники. В результате число подсудимых увеличилось.

Суду были преданы 24 военных преступника из всех властных структур нацистской Германии: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Густав Краupp, Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Йодль³, Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче и Борман – за подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, за военные преступления и преступления против человечности.

Но не все они заняли места на скамье подсудимых. Лей до начала суда покончил жизнь самоубийством. Дело Краупа было приостановлено, поскольку он был признан неизлечимо больным. Розыск Бормана не дал результатов, и его судили заочно.

В этот же день произошли изменения среди представителей СССР. Генерал И. Т. Никитченко был переведен из обви-

³ Далее также встречается: Йодль.

нителей в состав судей Международного военного трибунала. Он срочно уехал в Москву набирать сотрудников. Обвинителем с советской стороны был назначен Прокурор Украинской ССР Р. А. Руденко.

Соглашение об организации Международного военного трибунала, призванного вершить суд над главными военными преступниками, не имело аналогов в истории. Оно было важным не только для стран – участниц войны, но и для судеб человечества.

Характеризуя процесс, Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко подчеркивал, что это был первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений. На скамье подсудимых оказались люди, чья преступная деятельность не ограничилась пределами одного государства и привела к неслыханным по своей тяжести последствиям.

О необходимости такого процесса заявляли многие страны, представители общественности, и не случайно, что к нему затем присоединились еще 19 государств.

Приговор Международного военного трибунала, признавшего агрессию тягчайшим международным преступлением и наказавшего агрессоров, справедливо оценивается мировым сообществом как приговор истории.

Глава 2

Почему Нюрнберг?

Поначалу никто не думал о том, что место заседаний Международного военного трибунала должно быть символичным. Советская сторона настаивала на проведении суда в Берлине, американцы называли Мюнхен. Выбор Нюрнберга определился тем, что находящийся там Дворец правосудия во время боевых действий почти не пострадал. Большим преимуществом его оказалось то, что в одном крыле здания была тюрьма и отпадала нужда в перевозках обвиняемых.

В дальнейшем, с подачи Главного обвинителя от США Роберта Х. Джексона, все начали говорить о персте рока при выборе места для суда над главарями нацистов. Нюрнбергский адрес даже считали определенного рода возмездием — ведь гитлеровским преступникам пришлось познать крах надежд на мировое господство и предстать перед судом в городе, который был для них своеобразной столицей фашистской империи, где они утверждали, что нет иных законов, кроме тех, что установили сами.

Нюрнберг — старинный город, ему без малого тысяча лет. Здесь появились первые карманные часы и первый глобус, на котором не было еще не открытой тогда Америки. Именно в Нюрнберге появились, одни из первых в Европе, астрономическая обсерватория и гимназия. В этом городе родил-

ся и работал художник Дюрер, творили скульпторы Крафт, Фишер, Штос, создал свои знаменитые стихи и музыкальные произведения народный композитор Ганс Сакс.

В 1356 г. Карл IV провозгласил, что каждый новый император Священной Римской империи германской нации должен собирать свой первый имперский рейхстаг только здесь. Этот город очень любил Фридрих I Барбаросса, помешанный на идее мирового господства и бесславно погибший на подступах к Палестине во время Третьего крестового похода. Закономерно, что в 1930-е гг. XX в. Нюрнберг стал партийной столицей нацистов. Они считали свою Германию Третьим рейхом после Священной Римской империи и государства Бисмарка, созданного в 1871 г.

Любопытна хронология этих рейхов. Первый просуществовал десять веков, из них на протяжении шести он постепенно слабел. В 1806 г. его последний император Франц II отрекся от престола. По указу Наполеона Нюрнберг потерял статус имперского города и стал одним из населенных пунктов Баварии.

Однако идея империи не умерла. Прошло всего 60 лет, и 18 января 1871 г., после победы над Францией, Отто фон Бисмарк провозгласил Второй рейх. Век этой империи измерился 47 годами. После поражения в Первой мировой войне в 1919 г. Германия потеряла не только все завоевания, но и возможность содержать армию из-за выплаты огромных репараций.

Новая пауза между империями составила лишь 14 лет. Творцом Третьего рейха в 1933 г. стал Адольф Гитлер. Объявленная им «тысячелетняя» нацистская империя рухнула через 12 лет и закончилась Судом народов над ее основателями.

Нюрнберг подвергался интенсивным бомбардировкам союзников еще и в силу своей имперской роли. Здесь нацисты устраивали партийные съезды и манифестации. Гитлер выполнил предписание Золотой буллы, изданной Карлом IV: свой первый партийный съезд после прихода к власти он провел в Нюрнберге. Целям нацистских сборищ служили прежде всего Конгрессхалле – Дворец съездов и Цеппелиновы поля – самая широкая в мире дорога для парадов.

Вот как описывает одно из мест массовых нацистских акций Аркадий Полторац, работавший в секретариате Нюрнбергского процесса: «Огромный стадион с трибунами из серого камня. Господствуя над всем, высилась машина центральной трибуны с множеством ступеней и скамей, с черными чашами на крыльях, где в дни фашистских сборищ горел огонь. Словно рассекая эту машину пополам, снизу вверх проходит широкая темно-синяя стрела, указывающая своим острием, где следует искать Гитлера. Отсюда он взирал на марширующие войска и штурмовые отряды. Отсюда под рев осатанелой толпы призывал их к разрушениям чужих очагов, к захватам чужих земель, к кровопролитиям.

В такие дни город содрогался от топота тысяч кованых

сапог. А вечерами вспыхивал, как гигантский костер. Дым от факелов застилал небо. Колонны факельщиков с дикими возгласами и визгом проходили по улицам.

Теперь огромный стадион был пуст. Лишь на центральной трибуне стояло несколько дам в темных очках, очевидно американских туристок. Они по очереди влезали на место Гитлера и, щелкая фотоаппаратами, снимали друг друга».

Этот же автор оставил нам подробное описание здания суда: «На одной из улиц Нюрнберга – широкой и прямой Фюртштрассе – остался почти невредимым целый квартал зданий, и среди них за безвкусной каменной оградой с овальными выемками, с большими двойными чугунными воротами – массивное четырехэтажное здание с пышным названием Дворец юстиции. Первый его этаж без окон представляет собой крытую галерею со сводами, опирающуюся на короткие, круглые, тяжелые, как бы вросшие в землю колонны. Выше – два этажа, оформленных гладким фасадом. А на четвертом этаже в нишах – статуи каких-то деятелей Германской империи. Над входом – четыре больших лепных щита с различными эмблемами.

Редкая полоска деревьев с внутренней стороны ограды отделяет здание от улицы.

Если присмотреться внимательно, то и здесь видны следы войны. На многих колоннах выщерблен камень не то очередью крупнокалиберного пулемета, не то осколками снарядов. Пусты некоторые ниши на четвертом этаже, очевидно

освобожденные от статуй внезапным ударом взрывной волны.

Рядом с Дворцом юстиции – соединенное с ним переходом другое административное здание. А со двора перпендикулярно внутреннему фасаду вплотную к Дворцу примыкает длинный четырехэтажный тюремный корпус. Тюрьма как тюрьма. Как все тюрьмы мира. Гладкие оштукатуренные стены и маленькие зарешеченные окна, наклепленные рядами почти вплотную одно к другому»⁴.

Побывав более чем через 50 лет во Дворце юстиции, автор этой книги уже не увидел следов войны, о которых писал Аркадий Полтораки. Зато отметил для себя, что весь комплекс находится в отличном состоянии, а зал, в котором некогда вершился Суд народов, стал более торжественным и гармоничным благодаря большим люстрам, свисающим с потолка. Они были в здании изначально, но, чтобы придать залу большей строгости, перед процессом вместо них повесили обыкновенные светильники.

Прилетевшие в первый раз в Нюрнберг 17 августа 1945 г. Р. Х. Джексон, И. Т. Никитченко, Х. Шоукросс, А. Гро застали город, в котором еще не действовали водопровод, канализация, не было электричества, не работали транспорт и связь. Но Дворец правосудия был почти готов к работе трибунала, и можно было начинать предварительное следствие.

⁴ Полтораки А. Нюрнбергский эпилог. М.: Юридическая литература, 1983.

Глава 3

Суд еще не открылся, но уже заседает...

Поскольку судебное действие такого масштаба происходило впервые в мире, нужно было решить множество как стратегических, так и организационных проблем. Для этого, еще до начала судебного процесса, прошло несколько организационных заседаний Международного военного трибунала. Эти заседания проходили не в Нюрнберге, а в Берлине, в здании четырехстороннего Контрольного совета по Германии. Был обсужден и принят Регламент трибунала, рассмотрены текущие вопросы, в том числе о форме одежды судей, порядке их размещения в зале суда, об организации переводов, приглашении защитников, создании секретариата трибунала, о присяге для членов трибунала и работников секретариата.

В разбомбленном городе нелегко было разместить делегации союзников. Если из Великобритании, Франции и СССР ожидалось группы в 20–25 человек, то США заявили о приезде 600 представителей, которые хотели жить с комфортом. Пожелания в основном были выполнены. Главный обвинитель от США Р. Х. Джексон поселился в огромном особняке с теннисным кортом и музыкальной гостиной, в кото-

рой стоял концертный рояль. За столом во время обеда могли разместиться 20–25 человек. Ездил этот американец на бронированном лимузине Гитлера и шикарном «Мерседесе» Риббентропа.

Больших и малых проблем, требующих решения, было очень много. Вдруг всплыл факт, что во Дворце правосудия нет кафетерия, то обнаружилось, что мало переводчиков, то обвинители присутствуют не в полном составе...

Конечно, важнее всего были юридические вопросы, например разногласия по списку обвиняемых. Советская сторона настаивала на публикации его к 1 сентября 1945 г., однако споры продолжались вплоть до начала суда. Англичане, например, были против включения в список преступных организаций Генерального штаба фашистской Германии. Все решило голосование: англичан никто не поддержал. Шли дискуссии также по статьям обвинения.

Споры о форме и содержании обвинительного акта продолжались все лето 1945 г. 10 октября представители обвинения от США, Великобритании и Франции готовы были предоставить трибуналу свой вариант обвинительного акта. Прибывший в Германию 12 октября Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко нашел в тексте ошибки в формулировках, ряд других недостатков и настоял на доработке. Союзники не скрывали раздражения. Ходили слухи, что советские представители затягивают процесс, согласовывая в Кремле каждую запятую.

Первое организационное заседание состоялось 9 октября 1945 г. Было принято решение создать временный Секретариат трибунала. Временно Генеральным секретарем назначили секретаря американской делегации Гарольда Вилли, который, однако, вскоре был заменен бригадным генералом армии США Уильямом Митчеллом.

На организационных заседаниях до начала процесса члены трибунала председательствовали поочередно. Исключение было сделано для открытого организационного (распорядительного) заседания, на котором принималось обвинительное заключение от Комитета обвинителей. Председательствующим на этом заседании был избран член трибунала от СССР генерал-майор И. Т. Никитченко.

Председательствующим для ведения самого процесса в Нюрнберге был избран член трибунала от Великобритании лорд-судья Джеффри Лоренс. Решением от 17 октября Международный военный трибунал уполномочил лорда Лоренса подписывать все официальные распоряжения и приказы.

18 октября 1945 г. в Берлине состоялось открытое организационное (распорядительное) заседание трибунала. На нем присутствовали: Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко, Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, Главного обвинителя от США Роберта Джексона замещал его помощник Шиа, Главного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона представлял его помощник Дюбост.

Все члены трибунала поочередно приняли присягу, торжественно заявив о том, что будут выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно.

Заседание открыл член трибунала от Советского Союза генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко. Затем Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко вручил суду текст обвинительного заключения на русском языке, а представители обвинения от Франции, Великобритании и США вручили тексты на французском и английском языках. После этого председательствующий И. Т. Никитченко сделал заявление: «Обвинительный акт, представленный Комитетом главных обвинителей, рассматривает преступления следующих обвиняемых: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара (Яльмара) Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Йодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче – индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая группы

службы безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА), Генеральный штаб и высшее командование германскими вооруженными силами – всех, как изложено в приложении «В».

Согласно статьям 16 и 23 Устава Международного военного трибунала, обвиняемые могут осуществлять свою защиту сами или же избрать себе защитника из числа адвокатов, имеющих право выполнять свои обязанности перед судом в своей собственной стране, или же через специального защитника, назначенного военным трибуналом. Выделяется специальный секретарь трибунала, на которого возлагается обязанность довести до сведения обвиняемых их права. Если кто-либо из обвиняемых пожелает иметь защитника, который не в состоянии выполнять свои обязанности, то трибунал назначит ему защитника.

Обвинительное заключение будет вручено обвиняемым сегодня.

Международный военный трибунал назначит дату суда в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней после вручения обвинительного заключения.

Обвинительное заключение будет опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже не раньше 20 часов по гринвичскому времени в четверг, 18 октября этого года».

На этом заседание трибунала было закрыто.

В дальнейшем, с началом работы процесса, нужда в организационных заседаниях не отпала, и они проводились регулярно. Обычно это происходило по окончании дневных судебных заседаний, а также, при необходимости, в перерывах между судебными заседаниями. Стенограмма заседаний не велась. В соответствии с п. «с» ст. 4 Устава решения трибунала, за исключением решений о виновности и мере наказания, принимались большинством голосов. Голос председательствующего при обсуждении спорных вопросов являлся решающим.

Несмотря на то что решения трибунала иногда были непоследовательны и противоречивы, требования Устава в целом выдерживались. Свою роль в этом сыграли и организационные заседания.

... Час открытия Нюрнбергского процесса приближался.

Отдадим же дань памяти и уважения тем, кто справедливо и строго вершил правосудие над нацистскими преступниками.

Состав трибунала:

Член трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, председатель – лорд-судья Джеффри Лоренс.

Заместитель члена трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – судья Норман Биркетт.

Член трибунала от Союза Советских Социалистических Республик – генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко.

Заместитель члена трибунала от Союза Советских Социалистических Республик – подполковник юстиции А. Ф. Волчков.

Член трибунала от Соединенных Штатов Америки – Фрэнсис Биддл.

Заместитель члена трибунала от Соединенных Штатов Америки – Джон Дж. Паркер.

Член трибунала от Французской Республики – Анри Донедье де Вабр.

Заместитель члена трибунала от Французской Республики – Робер Фалько.

Секретариат:

Генеральный секретарь – бригадный генерал Уильям И. Митчелл (с 6 ноября 1945 г. до 24 июня 1946 г.), полковник Джон Е. Рей (с 24 июня 1946 г.).

Секретарь делегации СССР – майор А. И. Полтораки, В. Я. Коломацин (с февраля 1946 г.).

Секретарь делегации США – Гарольд Вилли (с 6 ноября 1945 г. до 11 июля 1946 г.), Вальтер Гилкисон (с 16 июня 1946 г.).

Секретарь делегации Великобритании – И. Д. Мак-Иллейт.

Секретарь делегации Франции – А. Мартен-Анвар.

Обвинители от Союза Советских Социалистических Республик:

Главный обвинитель – Р. А. Руденко, государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант).

Заместитель Главного обвинителя – полковник юстиции Ю. В. Покровский.

Помощники Главного обвинителя:

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря.

Полковник юстиции Д. С. Карев.

Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) М. Ю. Рагинский.

Старший советник юстиции (полковник) Л. Н. Смирнов.

Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) Л. Р. Шейнин.

Следственная часть:

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Г. Н. Александров.

Полковник юстиции С. Я. Розенблит.

Старший советник юстиции (полковник) Н. А. Орлов.

Подполковник юстиции С. К. Пирадов.

От Соединенных Штатов Америки:

Главный обвинитель – судья Роберт Х. Джексон.

Заместители Главного обвинителя:

Полковник Роберт Стори, г-н Томас Додд, г-н Сидней Олдерман, бригадный генерал Телфорд Тэйлор, полковник Джон Харлан Эймен⁵, г-н Ральф Альбрехт.

Помощники Главного обвинителя:

Полковник Леонар Уилер, подполковник Уильям Болдуин, подполковник Смит Брокхарт, командор Джеймс Бритт Донован, майор Фрэнк Уоллис, майор Уильям Уолш, майор Уоррен Фарр, капитан Сэмуэл Гаррис, капитан Дрексел Шпрехер, капитан-лейтенант Уитней Харрис, лейтенант Томас Ламберт, лейтенант Генри Аттертон, лейтенант Брэди О. Брайсон, лейтенант Бернارد Д. Мельтцер, доктор Роберт Кемпнер, г-н Вальтер Брудно.

От Великобритании:

Главный обвинитель – Генеральный прокурор Хартли Шоукросс.

Заместитель Главного обвинителя – королевский адвокат, член парламента сэр Дэвид Максвелл-Файф.

Главный консультант – помощник Главного обвинителя – королевский адвокат Джеффри Робертс.

⁵ Являлся начальником следственной части. – *Прим. авт.*

Помощники Главного обвинителя:

Подполковник Дж. М. Дж. Гриффит-Джонс, полковник Г. Дж. Филлимор Майор, член парламента – Ф. Элвин Джонс, майор Дж. Харкурт Баррингтон.

От Франции:

Главный обвинитель – министр юстиции г-н Франсуа де Ментон (до января 1946 г.), г-н Огюст Шампетье де Риб (с января 1946 г.).

Заместители Главного обвинителя: г-н Шарль Дюбост, г-н Эдгар Фор.

Помощники Главного обвинителя, начальники отделов:

Г-н Пьер Мунье, г-н Шарль Жертоффер, г-н Дельфин Дебене.

Помощники Главного обвинителя:

Г-н Жак В. Герцог, г-н Генри Дельпеш, г-н Серж Фюстер, г-н Констан Катр, г-н Генри Моннерей.

Каким бы великим, историческим ни был суд в Нюрнберге, он не был избавлен от прозы жизни. Перед началом процесса вдруг выяснилось, что средства оргтехники советской делегации находятся на уровне наркома юстиции.

«Тов. Руденко! Прошу Вас сообщить тов. Рычкову (народный комиссар юстиции Н. Н. Рычков. – *Прим. авт.*), что присланные НКЮ машинки с русским шрифтом никуда не годны. Прошу, если

возможно, захватить с собой несколько комплектов русского шрифта для машинок или выслать еще две машинки с русским шрифтом, а также направить двух машинисток. Отсутствие машинок и машинисток лишает возможности печатать материалы судебного производства».

Телеграфная просьба из Нюрнберга

Глава 4

Вся бездна нацистского зла

Пока союзники готовились к процессу, в тюрьме ждали своей участи пойманные главари нацистов. Приходилось мириться с тем, что в списке арестованных главных фигур Третьего рейха были крупные изъятия. Ушел от судебной ответственности «наци № 1» – Адольф Гитлер, 30 апреля 1945 г. совершивший самоубийство в обреченном Берлине. За ним покончил с собой министр народного просвещения и пропаганды Геббельс, предварительно вместе с женой отравивший шестерых своих детей. В британском плену свел счеты с жизнью Гиммлер. Британский военный врач не успел извлечь изо рта рейхсфюрера обнаруженную ампулу с ядом и через 12 минут констатировал смерть. Таинственно исчез соратник фюрера Борман. Только спустя годы выяснилось, что он был убит на улице во время бегства из имперской канцелярии.

Но и арестованных заправил Германии было немало. Были схвачены главный адмирал флота Дениц, в последние дни перед крахом назначенный Гитлером главой Третьего рейха, фельдмаршал Кейтель – начальник штаба Верховного главнокомандования, Риббентроп – министр иностранных дел, Штрейхер – «специалист по еврейскому вопросу» и другие фигуры из высших эшелонов власти.

Кто-то из арестованных некоторое время пребывал в плену представлений о собственном величии и рассчитывал если не на полную безнаказанность, то на особое к себе отношение. Рейхсмаршал Геринг, задержанный 9 мая 1945 г. американскими военными, настаивал на встрече с командующим оккупационными войсками США Дуайтом Эйзенхауэром и был удивлен, что генерал на его просьбу не отреагировал. Рейхсфюрер СС Гиммлер, скрывшийся было в потоке беженцев, при аресте 21 мая 1945 г. британцами сразу назвал свою фамилию, ожидая, видимо, почетных условий. За два дня он убедился, что поблажек не будет, и стал готовиться к самоубийству...

Сначала нацистские вожди содержались в американской тюрьме в селении Мондорф, на границе с Люксембургом, затем, 12 августа 1945 г., на двух транспортных самолетах их доставили в Нюрнберг.

Арестантский быт в Мондорфе все же не был тяжким. Но здесь они оказались в классической тюрьме, узнавая на собственном опыте, что значит лишиться прав и свобод и испытывать презрение окружающих в ожидании суда и приговора, который мягким быть не мог. Риббентроп похудел и стал похож на узника концлагеря, Кейтель потерял в весе 15 килограммов, на прежде непомерно тучном Геринге кожа повисла складками...

Никто не собирался создавать для высокопоставленных гитлеровцев комфортные условия. Престарелый Кейтель

считал издевательством, что его вынуждают сидеть на табурете, а не на стуле со спинкой. Рацион был скудным, контакты с миром ограничены.

В одиночной камере тюремного блока Дворца правосудия, площадь которой составляла около 11 квадратных метров, на высоте среднего человеческого роста имелось окно, выходящее в тюремный двор. Окошечко в дверях было постоянно открытым – через него арестанту передавалась еда и осуществлялось наблюдение. В углу камеры был туалет, из мебели – кровать, жесткое кресло и стол. Разрешалось класть на стол семейные фотографии, бумагу, карандаши, табак и туалетные принадлежности. Остальное изымалось.

Ложиться на койку арестованный обязан был так, чтобы его голова и руки всегда оставались на виду. Нарушителя сразу будили. Ежедневный туалет (бритье безопасной бритвой) совершал проверенный парикмахер из военнопленных под наблюдением охраны.

Камеры освещались снаружи для исключения возможности самоубийства электрическим током. Орудием смерти могли стать осколки стекла, поэтому в окнах были одни решетки без стекол, и по помещениям гуляли сквозняки. Очки арестованным выдавались только на определенное время, на ночь не оставлялись ни в коем случае.

Тщательные обыски происходили один-два раза в неделю. В банный день, полагающийся один раз в неделю, заключенные предварительно проходили осмотр в специальном поме-

щении.

Начальник тюрьмы американский полковник Эндрус специально объявил, что жалобы на эти строгие и унижительные меры приниматься не будут: «...все протесты против условий вашего здесь содержания являются не только необоснованными, но и неправомерными. Ваше представление о собственном статусе ошибочно – вы не являетесь ни пленными офицерами, ни военнопленными... Вы представляете немногочисленную группу людей, которые... относились к международным договорам, как к никчемной «макулатуре», и полагали, что их можно использовать лишь для собственной выгоды и безнаказанно нарушать, когда дело касалось народов «неарийской расы»...» (*Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва*. М.: Яуза, 2005. С. 289–290).

Более того, тюремные условия становились все более жесткими. Во избежание попыток суицида были приняты дополнительные меры: вместо столов использовались картонные коробки, к окну разрешалось подходить не ближе чем на метр. Стулья в камеры ставили только днем, на ночь их изымали. Если арестованный пользовался расческой, карандашом или очками, то при этом обязательно присутствовал надзиратель.

19 октября 1945 г. каждому арестованному вручили под расписку обвинительный акт. Это был этапный момент, после которого все находившиеся под стражей перешли из категории интернированных в категорию обвиняемых.

Тяжесть и масштаб инкриминируемых деяний произвели на бывших руководителей Германии сильное впечатление. Несмотря на все предосторожности, принятые в тюрьме, одному из обвиняемых, Роберту Лею, все-таки удалось покончить жизнь самоубийством. Итак...

Глава 5

Они все сказали – нет!

Первое судебное заседание Международного военного трибунала по делу главных немецких военных преступников было открыто 20 ноября 1945 г. в 10 часов утра под председательством лорда-судьи Лоренса.

За день до этого его (заседание) пытались отложить. Виной тому была телеграмма из Москвы (она пришла 19 ноября). В ней сообщалось, что Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко заболел, а потому необходимо отложить начало процесса. На совещании требование советской делегации поддержали французы, задетые отказом трибунала внести в список обвиняемых промышленника Альфреда Круппа. Заместитель Главного обвинителя от Франции Дюбост даже пригрозил, что Франция возьмет самоотвод, если процесс начнется без советского обвинителя. Англичане в этой ситуации объединились с американцами, требуя, чтобы Советский Союз официально объявил о том, что берет на себя ответственность за дальнейшие задержки. Масла в огонь подлил Главный обвинитель от США Джексон, который резко заявил, что Соединенные Штаты откроют процесс в назначенное время, даже если им придется это сделать в одиночку. Здесь уже возмутились не только французы, но и англичане. Джексон фактически сорвал совещание, поскольку подняв-

шийся шум и перепалка не позволили его продолжить.

Снова собрались вечером. Рассмотреть вопрос, что не разрешился днем. Французы стояли на своем: мол, если начнете процесс без советской делегации, мы возьмем самоотвод. Заместитель члена трибунала от обвинителей Великобритании Норманн Биркетт заметил, что если будет создан прецедент, то и в дальнейшем придется откладывать заседания в случае болезни судей или обвинителей.

Пререкания союзников прервало появление полковника Ю. В. Покровского, заместителя Р. А. Руденко, который объявил, что Главный обвинитель от СССР скоро прибудет в Нюрнберг. Он подчеркнул, что Роман Руденко должен присутствовать на открытии процесса лично, и отказался замещать его.

Что задержало прибытие Руденко? Пытался ли СССР сорвать процесс? Конечно, нет.

Но, зная о том, что все в СССР решалось с благословения И. В. Сталина, можно предположить, что, пока «отец народов» не утвердил стратегию, тактику и конкретные действия членов делегации на Нюрнбергском процессе, а подходил он к этому очень щепетильно и ответственно, Руденко оставался в Москве.

Обмен телеграммами между Р. А. Руденко и Ю. В. Покровским показывает, что советская сторона хотела ненадолго – на две-три недели – отложить открытие процесса. Покровскому, видимо, по неведению выступившему в печат-

ти против переноса срока, было высказано неудовольствие московских инстанций. Руденко, находясь в Москве, просил своего заместителя пока действовать через союзников: «... поддерживайте активно Джексона в вопросе отложения процесса». Усилия Покровского дали плоды: с переносом срока согласилась французская делегация. Однако Главного обвинителя от США Джексона «обработать» не удалось. Благо до конфликта не дошло – советская сторона успела решить все проблемы.

Зал на третьем этаже нюрнбергского Дворца юстиции, где предстояло вершиться правосудию, выглядел строго и даже мрачновато. И это было сделано специально. Как ранее отмечалось, помпезные люстры, которые раньше украшали помещение, теперь были заменены на обыкновенные светильники. В отделанном темно-зеленым мрамором помещении все окна были плотно зашторены, дневной свет в зал не проникал.

На возвышении был расположен стол для судей, за ним – большие государственные флаги СССР, США, Великобритании и Франции. Уровнем ниже – секретариат, еще ниже – стенографистки, столы сотрудников прокуратуры – справа за ними размещалась пресса.

Скамья подсудимых находилась слева от входа. Герман Геринг, «наци № 2», занимал самое видное место – в первом ряду справа, рядом с ним расположился Рудольф Гесс, демонстративно читавший пасторальные новеллы, далее –

Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Ялмар Шахт. Во втором ряду – Карл Дениц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче.

За их спинами и по бокам стояли американские военные в белых касках, вооруженные пистолетами в белых лакированных кобурах, в руках – белые дубинки. Броскую экипировку военной полиции дополняли белые же пояса и гетры.

Впереди скамьи подсудимых располагались защитники в адвокатских мантиях.

Из числа нацистских лидеров, привлеченных к ответственности, всеобщее внимание привлекал Герман Геринг, второй после Гитлера человек в государстве. Он и здесь лидер, за что был окрещен «фюрером скамьи подсудимых».

Рейхсмаршал, прежде неимоверно тучный, сильно похудел, щеки обвисли, одежда висела на нем, как на вешалке. В Германии он был известен патологической страстью к нарядам. У него было тридцать мундиров, которые он придумал для себя. И на суде Геринг был одет необычно: серая куртка с желтыми кантами и золотыми пуговицами, с такими же кантами бриджи, заправленные в высокие сапоги. Он постоянно что-то писал, время от времени передавая листки через охрану своему защитнику. Иногда он отрывался от письма и что-то оживленно говорил Гессу, сидящему слева от него,

затем снова принимался писать.

Гесс, бывший до перелета в Англию заместителем фюрера, был погружен в чтение книги. Он изображал человека, потерявшего память. Порой его мутный взгляд из глубоких, как норы, глазниц обходил зал, Гесс приподнимался, что-то начинал шептать Риббентропу и быстро смолкал, углубляясь в книгу.

Риббентроп все время сидел в излюбленной позе, скрестив на груди руки. Кейтель, в зеленом мундире без погон и наград, напряженно вытягивал шею, придерживая одной рукой наушники. Розенберг, задрав острый нос, вслушивался в реплики судей и обвинителей...

Кальтенбруннер на первом заседании отсутствовал, поскольку у него за два дня до этого произошло кровоизлияние в мозг. Семидесятипятилетний Густав Крупп был признан неподсудным по состоянию здоровья. Мартин Борман считался пропавшим без вести.

Все в зале суда говорило о хорошо продуманном порядке. Каждое место, включая места подсудимых, было радиофицировано, так что любое выступление можно было слушать по желанию на русском, английском, французском и немецком языках. Стенографистки менялись каждые 25 минут, чтобы к концу дня подготовить полную стенограмму заседания на четырех языках. Съемки судебного процесса велись через специальные застекленные проемы в стенах – чтобы не нарушать тишину.

Снаружи Дворец юстиции был окружен надежной охраной. Движение на близлежащих улицах было перекрыто, и по ним разъезжали только патрульные американские танки.

В кратком вступительном слове председательствующий лорд Лоренс подчеркнул:

«...Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости».

Все находящиеся в зале прониклись исторической важностью события. Набежала мрачная тень на лица обвиняемых, которые до этого старались держаться непринужденно – переговаривались, писали записки адвокатам, делали записи для себя. Видно было, что предстоит большая и острая борьба. Никто из подсудимых не спешил с покаяниями. На вопрос председательствующего о признании их виновными все нацистские деятели ответили: «Нет».

Что ж, на то и суд, чтобы, исследовав все «за» и «против», дать им беспристрастную юридическую оценку.

Допросы подсудимых начались в феврале 1946 г. Среди них были весьма неглупые люди, с твердым характером, уме-

лые демагоги. Словесные поединки с ними требовали большого напряжения. При всем том, что трибунал отстаивал правое дело и опыта судьям и обвинителям было не занимать, нацистские бонзы, в особенности такие, как Геринг, в некоторых случаях переигрывали их, ловили на ошибках, неточностях.

Тюремный доктор Гилберт, врач-психиатр, составил в помощь трибуналу любопытный документ, в котором отразил свои наблюдения над подсудимыми. Гилберт определил их коэффициенты умственного развития, важные черты характера и отношения друг к другу.

По мнению Гилберта, самый высокий IQ имел Шахт, самый низкий – Штрейхер. Гилберт считал, что Шпеер, Шахт, Фриче и, возможно, Франк будут свидетельствовать против Геринга. Поддержат Геринга Риббентроп и Розенберг. Кейтель и Ширах колеблются.

Штрейхера он определил как человека косного, одержимого навязчивыми идеями. Гилберт предположил, что он будет строить свою защиту, ссылаясь на духовное очищение, мировой сионизм, учение Талмуда.

Риббентроп – амбициозный эгоист и оппортунист. Можно было рассчитывать, что Нейрат, Папен, Шахт и Шпеер, если задать им правильные вопросы, будут «топить» Риббентропа.

Папен – учтивый, благоразумный, дальновидный. Враждебно относится к Герингу, Риббентропу, Розенбергу. Для

получения показаний против них лучше не «давить» на Папена, а использовать перекрестные допросы.

Гесс пассивен, апатичен. Истерик с параноидальными отклонениями. От него можно ожидать чего угодно, в том числе рецидива амнезии. Лучше не подвергать его интенсивным допросам.

Кейтель имеет IQ почти такой же, как и Риббентроп. За внешней решительностью скрывается слабый характер. Наиболее серьезные показания против Кейтеля может дать Шпер.

По мнению Гилберта, Йодль – один из немногих, кто занимает собственную позицию в вопросах морали и военного дела. При правильных вопросах Йодль может дать показания против Геринга, которого не любит за высокомерие и нажитое в военное время богатство. Из офицерской солидарности не даст показаний против Кейтеля.

Розенберг – философ-дилетант, слепой приверженец Гитлера. С ним нужно обращаться постороже. Можно обвинить его в том, что он активно проповедовал идеологию, с помощью которой совершено множество злодеяний.

Ганс Франк страдает раздвоением личности, имеет скрытые гомосексуальные наклонности, что стало причиной проявлений садизма и мазохизма. Отдает себе отчет в том, что виновен и будет казнен. Неясно, как он будет вести себя при допросе.

Вильгельм Фрик – крайне эгоистичный субъект, для ко-

торого мораль и нравственность не существуют. Поведение спрогнозировать трудно.

Шахт – человек честолюбивый и высокомерный. Кипит негодованием оттого, что оказался на скамье подсудимых вместе с приспешниками фюрера. Шахт сделал заявление о том, что готовил покушение на Гитлера и в конце войны сам оказался в нацистском концентрационном лагере.

IQ Деница доктор Гилберт оценил чуть ниже, чем у Шахта. Он спокоен и уверен в себе, тюрьма его не сломила.

Редер болезненно чувствителен, раздражителен, склонен к фантазиям.

Глава 6

Побег в царство мертвых

Миллионы людей земли тогда хотели бы видеть на скамье подсудимых в Нюрнберге главного виновника трагедии XX века – фюрера Германии Адольфа Гитлера. Однако он избежал Суда народов, сведя счеты с жизнью во время штурма Берлина советскими войсками. Смерть от яда выбрали и некоторые его высокопоставленные приспешники. О других, например о Мартине Бормане, в то время достоверных сведений не было...

ГИТЛЕР Адольф (1889–1945) – фюрер и канцлер Третьего рейха. Участник Первой мировой войны – ефрейтор. С 1919 г. – член Рабочей партии Германии (ДАП), впоследствии, с 1920 г., – Национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП). Создав штурмовые отряды (СА) и охранные отряды (СС), предпринял в 1923 г. попытку государственного переворота – «Пивной путч». В тюрьме провел девять месяцев, где написал книгу «Майн кампф» («Моя борьба»). В 1930 г. НСДАП становится второй по величине партией в стране, получая финансовую поддержку промышленников. С 1933 г. – канцлер. В 1934 г. объединил посты канцлера и президента, объявив себя фюрером. Внутри страны проводил политику репрессий. На международной арене сделал ставку на агрессию (выход из Лиги Наций в 1933 г.,

создание вермахта в 1935 г., захват Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г., присоединение Австрии и захват Чехословакии в 1938 г., нападение на Польшу в 1939 г., оккупация Европы в 1940 г., нападение на СССР в 1941 г.). В развязанной им войне погибли десятки миллионов людей, в том числе мирных граждан. Огромные потери понесло хозяйство оккупированных территорий и стран. Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г. при взятии Берлина Советской армией. Труп Гитлера был облит бензином и сожжен во дворе имперской канцелярии.

Мероприятие «Архив»: окончательное решение по останкам Адольфа Гитлера

После войны циркулировало немало легенд о том, что обожженный труп принадлежал двойнику, а самому Гитлеру удалось скрыться. Время от времени появлялись «очевидцы», «встречавшиеся» с фюрером в разных уголках планеты.

На самом деле останки Гитлера были идентифицированы с абсолютной точностью, их тайно захоронили и перезахоронили на территории советских военных городков в Восточной Германии. Вместе с ними дважды предавались земле тела Евы Браун, Йозефа Геббельса, его жены Магды и шестерых детей. Второе захоронение было сделано 21 февраля 1946 г. в Магдебурге. В апреле 1970 г. захоронение вскрыли, и все останки были окончательно уничтожены.

Сов. секретно

Экз. №

Серия «К»_____

«УТВЕРЖДАЮ» _____

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
АНДРОПОВ

26 марта 1970 года

ПЛАН

проведения мероприятия «Архив»

Цель мероприятия: изъять и физически уничтожить останки захороненных в Магдебурге 21 февраля 1946 года в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне ул. Клаузенерштрассе) военных преступников.

К участию в проведении указанного мероприятия привлечь: начальника ОО КГБ в/ч п/п 92626 полковника КОВАЛЕНКО Н. Г., оперативных сотрудников того же отдела... В целях осуществления мероприятия:

1. За два-три дня до начала работ над местом захоронения силами взвода охраны ОО КГБ армии

установить палатку, размеры которой позволили бы под ее прикрытием производить предусмотренные планом работы.

2. Охрану подходов к палатке, после ее установления, осуществлять силами солдат, а в момент производства работ – оперсоставом, выделенным для проведения мероприятия «Архив».

3. Организовать скрытый пост для контрнаблюдения за близлежащим от места работы домом, в котором проживают местные граждане, с целью обнаружения возможной визуальной разведки. В случае обнаружения такого наблюдения принять меры к его пресечению, исходя из конкретно сложившейся обстановки.

4. Раскопки произвести ночью, обнаруженные останки вложить в специально подготовленные ящики, которые на автомашине вывезти в район учебных полей саперного и танкового полков ГСВГ в районе Гнилого озера (Магдебургский округ ГДР), где сжечь, а потом выбросить в озеро.

5. Исполнение намеченных планом мероприятий задокументировать составлением актов:

А) акт о вскрытии захоронения (в акте отразить состояние ящиков и их содержимого, вложение последнего в подготовленные ящики);

Б) акт о сожжении останков.

Акты подписать всем перечисленным выше оперативным работникам ОО вч пп 92626.

6. После изъятия останков место, где они были захоронены, привести в первоначальный вид. Палатку

снять через два-три дня после проведения основных работ.

7. Легенда прикрытия: поскольку мероприятие будет осуществляться в военном городке, доступ в который местным гражданам воспрещен, необходимость объяснения причин и характера производимых работ может возникнуть только в отношении офицеров, членов их семей и вольнонаемных служащих штаба армии, проживающих на территории городка.

Существо легенды: работы (установка палатки, раскопки) производятся в целях проверки арестованного в СССР преступника, по данным которого в этом месте могут находиться ценные архивные материалы.

8. В случае, если первая раскопка вследствие неточных указаний о местонахождении «Архива» не приведет к его отысканию, организовать командировку на место находящегося ныне в отставке и проживающего в Ленинграде генерал-майора тов. ГОРБУШИНА В. Н., с помощью которого осуществить мероприятия, предусмотренные данным планом.

Начальник 3 Управления КГБ

генерал-лейтенант Федорчук

20 марта 1970 г.

Ф. К-1ос, оп. 4, д. 98, л. 2-3

(подлинник)

Прах фюрера унесла река Бидериц

В течение ночи и утра 4 апреля 1970 г. оперативники вскрыли тайное захоронение «военных преступников» возле дома № 36 по Клаузенерштрассе и обнаружили пять истлевших ящиков, «поставленных друг на друга накрест». Дерево сгнило и превратилось в труху, останки перемешались с грунтом. От тел детей почти ничего не осталось. По подсчету наиболее сохранившихся берцовых костей и черепов, в захоронении находилось 10–11 трупов. На другой день, 5 апреля, все тщательно собранные кости были уничтожены.

«Мероприятие» обошлось без чьего-либо нежелательного внимания. Наблюдение за близлежащим домом, в котором проживали немецкие граждане, не выявило «подозрительных действий с их стороны». Никак не отреагировали на секретную акцию и советские люди, находившиеся в военном городке: «...прямого интереса к проводимым работам и установленной на месте раскопок палатке не проявлялось».

После изъятия останков территорию привели в прежний вид...

Вх. № 1759

10.4.70

Совершенно секретно

Экз. единственный

Серия «К»

г. Магдебург (ГДР)

в/ч п/п 92626

5 апреля 1970 г.

АКТ

(о физическом уничтожении останков военных преступников)

Согласно плану проведения мероприятия «Архив» оперативной группой в составе начальника ОО КГБ при СМ СССР в/ч п/п 92626 полковника Коваленко Н. Г. и сотрудников того же отдела... произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенерштрассе).

Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга.

Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц, о чем и

составлен настоящий акт.

Начальник ОО КГБ в/ч п/п 92626

полковник Коваленко

Сотрудники ОО КГБ в/ч п/п 92626

(подписи)

5 апреля 1970 г.

Ф. К-1ос, оп. 4, д. 98, л. 7–8

(подлинник)

Часть 2

Горы фактов

кричали о возмездии!

Глава 7

Это был «процесс документов»

Впереди было предъявление веских доказательств по всем пунктам обвинения – судебный марафон длиной в год, в ходе которого даже у людей безразличных либо прежде сочувствовавших нацизму не осталось сомнений в преступном характере как всей фашистской власти, так и ее руководства. Документов, показаний свидетелей, улик имелось огромное множество. Важно было правильно ими распорядиться, согласовав подходы представителей разных юридических систем.

Уставом и Регламентом трибунала были установлены следующие виды доказательств:

- а) показания свидетелей (устные и письменные);
- б) показания и объяснения подсудимых (устные и письменные);
- в) документы;

г) вещественные доказательства.

Таким образом, Устав и Регламент трибунала почти целиком, за вычетом экспертизы, воспроизводили систему доказательств, принятую в советском доказательственном праве. Однако фактически на Нюрнбергском процессе применялась и экспертиза – судебно-психиатрическая и судебно-медицинская. Ходатайство защиты об экономической экспертизе было трибуналом отклонено.

Главную роль в работе трибунала играли трофейные документы. Преступная деятельность лидеров гитлеровской Германии отражалась на бумаге с чисто немецкой педантичностью. Свидетельские же показания представляли ценность живого слова, когда речь шла о событиях большого политического масштаба или о конкретных фактах преступлений – военных и против человечности. Непосредственно в суде было допрошено 116 свидетелей и принято 143 письменных показания свидетелей, а документальных доказательств принято около 2500, то есть в десять раз больше.

Защита чаще, нежели обвинение, прибегала к свидетельским показаниям. На процессе было допрошено 33 свидетеля, вызванных обвинением, и 61 свидетель, вызванный защитой.

В обычном судопроизводстве свидетели именуются либо свидетелями обвинения, либо свидетелями защиты. На Нюрнбергском процессе порой бывало, что свидетель защиты в результате перекрестного допроса становился свиде-

телем обвинения. Яркий пример – допрос фельдмаршала Мильха.

Поскольку процесс был международным, возник вопрос о разных видах присяги. 21 ноября 1945 г., на второй день после открытия процесса, трибунал вынес дополнительное постановление о присяге, в котором указывалось: «Каждый свидетель должен быть приведен к своей национальной присяге по той форме, которая существует в его стране. В случае возражения, базирующегося на религиозных принципах, он может дать клятву в форме, приемлемой для трибунала».

Для свидетелей, признающих религиозную присягу, был выработан такой текст: «Клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне Бог!» Граждане СССР давали торжественное обещание: «Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом Высокого Суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавлять и не утаивать».

В этот же день со вступительной речью выступил Главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон. Затем выступили: 4 декабря 1945 г. – Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, 17 января 1946 г. – Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон. По договоренности с союзниками Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко выступал 8 февраля 1946 г., как бы резюмируя и давая правовые

оценки событиям и фактам.

Но вернемся к документам. В качестве доказательств трибуналу были представлены:

- официальные правительственные документы – ноты, сообщения, доклады, отчеты, письма, донесения, телеграммы, тексты законов и постановлений, инструкции, приказы, директивы, протоколы, договоры, соглашения, декларации;

- личные письма и заявления;

- дневники и мемуары;

- записи публичных выступлений в рейхстаге, на съездах, собраниях, заседаниях, по радио;

- записи бесед;

- газетные и журнальные статьи, книги;

- географические карты, схемы, планы;

- кинокартины и фотографии;

- приговоры судебных органов.

Особую ценность, несомненно, представляли официальные немецкие документы. Их число было огромно. Только американцами было просмотрено более 100 тысяч материалов, отобрано до 4000 и 1400 представлено трибуналу в качестве доказательств.

Исходя из требования Устава о том, что суд не должен быть связан формальностями при приеме доказательств, трибунал допускал представление фотографий не только для идентификации, как было принято, например, в английском законодательстве, но в качестве самих доказательств. Совет-

ские обвинители предъявили суду многочисленные снимки, на которых запечатлены зверства гитлеровцев на территориях СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Многочисленные фотодокументы представила советская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Трибунал беспрепятственно принимал в качестве доказательств карты, диаграммы и схемы, изготовленные обвинением, а также документальные кинофильмы.

На судебном заседании демонстрировались кинофильмы, выпущенные в свое время гитлеровцами, и кинофильмы союзников. При демонстрации этих фильмов обвинители предоставляли доказательства достоверности кинолент: свидетельства об источнике фильмов, справки, при каких обстоятельствах киноленты были смонтированы, или удостоверения кинооператоров и лиц, монтировавших документальное кино.

На процессе в качестве доказательства применялась и экспертиза, как судебно-психиатрическая, так и судебно-медицинская. Например, судебно-медицинской экспертизе был подвергнут Крупп фон Болен унд Гальбах для выяснения, может ли он по состоянию здоровья предстать перед судом. Судебно-психиатрической экспертизе подвергли также подсудимых Гесса и Штрейхера. Оба они были признаны вменяемыми.

Нюрнбергский процесс вошел в историю как процесс документов. Именно документальные доказательства здесь были решающими. Союзники захватили важнейшие архивы гитлеровской Германии, например архив германского Генерального штаба со всей оперативной документацией, раскрывающей подготовку и развязывание войн.

Действующая с ноября 1942 г. в СССР Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников внесла огромный вклад в доказательную документальную базу трибунала. В соответствии со ст. 21 Устава трибунала акты Чрезвычайной государственной комиссии подлежали принятию трибуналом без дальнейших доказательств. Уже сами по себе эти материалы представляли большую доказательственную ценность и обеспечивали поддержание обвинения от имени Союза ССР против главных немецких военных преступников. Аналогичные материалы представили Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Норвегия.

В распоряжении суда оказались огромные собрания немецких документов. Были захвачены правительственные и личные архивы некоторых главарей фашистской Германии, например: архив штаба оперативного руководства гитлеровского Верховного главнокомандования во Фленсбурге; архив Риббентропа; архив Розенберга (документы были замурованы в потайном хранилище в его замке в Баварии); ар-

хив Франка. 485 тонн архивов нацистского МИДа были захвачены 1-й американской армией.

Чтобы переработать такой массив материалов, был создан документальный отдел. Одно из отделений его собрало большое число официальных изданий с законодательными и ведомственными материалами, газет, публицистической литературы, принадлежавшей перу лидеров нацистской партии. Эти доказательства сыграли на процессе немаловажную роль. Другой отдел – допросный, его возглавлял полковник Эймен, – в составе группы следователей, их помощников, переводчиков и стенографов вел допросы обвиняемых и свидетелей.

Перед советским обвинением стояла задача максимального использования всех документальных материалов из найденных фашистских архивов. Для этого была создана следственная часть, в обязанность которой входила подготовка документальных доказательств, в том числе материалов из архивов, захваченных англо-американскими войсками, допрос обвиняемых и некоторых гитлеровских генералов и руководителей ведомств, которые на процессе фигурировали как свидетели.

Советские следователи обнаружили особо ценные документы, в частности подлинный план «Барбаросса». Существование этого плана предполагало наличие различного рода дополнительных документальных данных, которые гитлеровский Генеральный штаб должен был разрабатывать для

реализации плана военного нападения на СССР. На поиски этих документов, перевод на русский язык и систематизацию были направлены большие усилия. Собирались материалы, подтверждающие виновность главных военных преступников по всем пунктам предъявленного им обвинения. Документы систематизировались по отдельным видам преступлений и по каждому из обвиняемых. Одновременно изучались протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, которые производились американскими следователями.

Кроме того, нашими следователями были допрошены почти все обвиняемые и значительное число свидетелей.

Допрос велся обязательно через переводчика и под стенограмму. По наиболее значимым вопросам стенограмма велась одновременно на русском и немецком языках. Расшифрованная немецкая стенограмма на следующий день давалась на подпись допрошенному и таким образом превращалась в официальный протокол допроса, имеющий силу судебного доказательства.

В составе советской делегации документы изучала специальная следственная группа во главе с государственным советником юстиции 3-го класса Г. Н. Александровым.

Главный советский обвинитель Р. А. Руденко назначил руководителем документальной части профессора Д. С. Карева, достойной помощницей которого на протяжении всего процесса являлась Татьяна Александровна Илерицкая. Такая же документальная часть была организована и в аппара-

те советских судей в Международном трибунале. Здесь систематизацией доказательств занимались майор юстиции А. С. Львов и Г. Д. Бобкова-Басова.

Форма не всегда дисциплинировала содержание

Особо хотелось бы остановиться на работе переводчиков. Это был сложный и ответственный труд. Ведь именно от умения квалифицированно, быстро и абсолютно адекватно перевести услышанное во многом зависел успех обвинения. Следует отметить, что синхронный перевод сразу на несколько иностранных языков начал применяться лишь в 40-х годах. Но только, пожалуй, после Нюрнбергского процесса, где он прошел серьезную обкатку, синхронный перевод вышел на широкую дорогу. Затем он был применен на Токийском процессе, а потом уже и в Организации Объединенных Наций.

Из воспоминаний советских переводчиков, участвовавших в Нюрнбергском процессе, видно, насколько непросто делались ими первые шаги. Сын одного из руководителей наших переводчиков – Илья Евгеньевич Гофман – любезно предоставил автору этого издания как документы того времени, так и рукописные мемуары своего отца, Евгения Абрамовича Гофмана, который с февраля 1946 г. возглавлял группу советских переводчиков в Нюрнберге. Вот что он пи-

шет: «Впервые мне пришлось выступать в роли синхронного переводчика в 1946 году в Нюрнберге. Когда я направлялся в этот старинный город, приковавший в то время внимание миллионов людей всего мира, следивших за работой Международного военного трибунала, я не имел ни малейшего представления о задачах, которые мне предстояло выполнять. И вот я в мрачном сером здании Дворца юстиции. Видавший виды, дышащий Средневековьем, главный зал выглядит необычно...»

Дальше идет описание зала. Он детализируется Гофманом под углом зрения переводчика и, естественно, немного отличается от тех, которые ранее давались в научной и художественной литературе. И это неудивительно еще и потому, что он почти год сидел в метре от подсудимых. Если бы не высокая стеклянная перегородка, он мог бы рукой дотянуться до этих извергов.

Евгений Абрамович, в частности, пишет: «Слева, в два ряда, скамьи подсудимых, огороженные массивной дубовой оградой, справа, на возвышении, длинный судейский стол, в центре столы защитников и стенографисток, в глубине зала четыре стола обвинения от СССР, США, Англии и Франции, еще дальше места прессы, над которыми навис балкон для немногочисленных гостей. В левом углу мое внимание привлекло странное сооружение из стекла, похожее на соты из четырех ячеек с чернеющими за стеклом микрофонами. Это и были кабины переводчиков...»

Наибольший интерес в его воспоминаниях, конечно же, представляют истории, касающиеся непосредственной работы переводчиков. И вот как все тогда начиналось: «На другой день после приезда американцы, возглавлявшие группу переводчиков, устроили проверку новым переводчикам. Из зала в микрофон читался немецкий текст, который нужно было переводить на остальные рабочие языки (русский, французский, английский). Проверка прошла благополучно, и уже на другой день я сидел в кабине рядом со своими коллегами. Председательствующий предоставил слово немецкому адвокату, защитнику подсудимого гроссадмирала Редера. На меня посыпался дождь юридических толкований различных законов, сформулированных в сложнейших синтаксических периодах. С огромнейшим трудом я продирался через эту чащу, старался ухватиться за малейшие проблески здравого смысла... Когда я вышел из кабины, в голове у меня был сплошной туман...»

Как же был организован синхронный перевод на Нюрнбергском процессе?

«Каждая делегация обеспечивала перевод на свой родной язык. Перевод на немецкий язык делали американские переводчики. В каждой из четырех открытых сверху кабин одновременно сидели переводчики с английского, немецкого и французского языков. На столе кабины, перед стеклом, за которым сразу же начинались скамьи подсудимых, был установлен переносной микрофон, которым владел один из

переводчиков, в зависимости от того, выступал ли оратор на английском, немецком или французском языке. Случалось и так, что за 6 часов работы французскому переводчику ни разу не пришлось произнести ни слова. Зато когда выступали подсудимые и их защитники, немецким переводчикам приходилось «жарко». Часто они работали без отдыха всю смену (1,5 часа), а когда один из коллег выбывал из строя по болезни, то и две и даже три смены... Непосвященного человека, входившего в зал, поражал многоголосый гул, доносившийся из кабин...»

Гофман уточняет, что среди иностранных переводчиков преобладали американцы. В основном это были «люди солидного возраста и с большим переводческим стажем. Значительная часть из них были эмигранты, проживающие много лет в Англии или США». При знакомстве они представлялись: «князь Серебрянников», «князь Васильчиков», «граф Толстой...».

В иностранных делегациях между синхронными и письменными переводчиками было проведено строгое разделение. Синхронные переводчики не занимались письменными переводами, и наоборот. У нас же таких разграничений, судя по записям Евгения Абрамовича, не было. Ну это на работе и отношениях никак не сказывалось. Жили дружно. «По вечерам после работы и в перерывах между сменами мы сверяли свои стенограммы с оригиналами, правили их и считывали после перепечатки на машинке, переводили до-

кументы и речи, выступали в роли устных переводчиков при переговорах с представителями других делегаций. Так незаметно прошел почти год. Процесс закончился, но мы продолжали трудиться сначала в Нюрнберге, а затем в Лейпциге над обработкой стенограмм. Эта работа была завершена лишь в 1947 году».

Возвращаясь опять к работе трибунала, надо признать, что процесс не всегда шел ровно. Гофман вспоминал случаи, когда во время заседаний вдруг все стопорилось – переводчики (в основном американцы, наши, естественно, себе такого не позволяли) вскакивали, срывали с себя наушники, отказывались переводить. Заседание трибунала прекращалось. Происходило это в основном тогда, «когда оратор, несмотря на сигналы переводчиков, мчался, закусив удила... Оратору делалось внушение, он просил извинения у переводчиков», и трибунал опять продолжал работу.

Но были моменты и покруче. Однажды трибунал по вине «иностранных стенографисток» вообще несколько дней не заседал. «Стенографистки объявили забастовку, требуя повышения заработной платы». И их требования были частично удовлетворены...

Справедливости ради настало время сказать, что не все ладилось и в работе советской делегации. Прошли те времена, когда наши авторы идеализировали действия советских людей за рубежом, выставляя носителями отрицательных черт только граждан капиталистических государств. Пред-

ставители же СССР, застегнутые на все пуговицы, делали все абсолютно верно. И им были чужды всякие человеческие слабости.

Видимо, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, члены советской делегации в Нюрнберге, как правило, показывались в военной форме, тогда как союзники – в штатском.

Видимо, считалось, что «форма дисциплинирует содержание».

Но люди – с Запада или с Востока – порой одинаково далеки от совершенства. Даже в Нюрнберг, несмотря на строгий отбор, в состав советской миссии попали офицеры не без недостатков. В связи с чем в достаточно слаженной работе нашей делегации порой возникали непредвиденные сложности, конфликты, иногда доходило даже до чрезвычайных происшествий. Так что форма не всегда дисциплинировала содержание...

Вот только один пример. Классическая ситуация соперничества в Нюрнберге однажды обернулась неприятными инцидентами. Следствием во время процесса занималась прокурорская группа во главе с Г. Н. Александровым. Она находилась в подчинении Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко. Оперативные вопросы решала специальная бригада Главного управления контрразведки «Смерш». Руководил ею М. Г. Лихачев.

Между ними существовали трения. Некоторые работники группы питали подозрения друг к другу, обменивались упре-

ками, а иногда дело заходило еще дальше. Как-то, еще до начала процесса, контрразведчики донесли в Москву, что Г. Н. Александров якобы «слабо парирует» антисоветские выпады обвиняемых. Александрову пришлось письменно оправдываться перед прокурором СССР Горшениным, что никаких выпадов со стороны обвиняемых ни против СССР, ни против него лично не было и что беспочвенные обвинения мешают работе.

Однако этим история не закончилась. Помощник Главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейнин, который в дальнейшем сам оказался подследственным в органах МГБ, в своих показаниях утверждал, что одной из причин его ареста стал именно конфликт с Лихачевым.

По свидетельству Шейнина, Лихачев с первых дней пребывания в Нюрнберге показал себя заносчивым человеком, чем вызвал к себе крайне негативное отношение окружающих. «И вот дошло до того, – писал Шейнин, – что Лихачев вовлек в сожительство молоденькую переводчицу, проживавшую в одном с нами доме, и она забеременела. Лихачев принудил ее сделать аборт и, найдя немца-врача, заставил его провести операцию, прошедшую неудачно».

8 декабря 1945 г. был смертельно ранен один из водителей советской делегации, дожидавшийся своего начальника возле «Гранд-отеля». Поползли слухи о попытке покушения на Руденко, однако более вероятной целью был Лихачев. Миссия, возглавляемая им, проводила в Нюрнберге очень боль-

шую и весьма полезную работу. Были все основания считать, что кто-то хотел запугать контрразведчиков, одновременно устранив их руководителя.

Вот как вспоминала об этом эпизоде переводчица Лихачева О. Г. Свиридова: «Многие вечера мы проводили в ресторане «Гранд-отеля»... Однажды мы – а именно Лихачев, Гришаев, Борис Соловов и я – собрались, как обычно, поужинать в «Гранд-отеле», но у меня возникли какие-то дела, и я решила остаться дома.

Лихачев вместе с компанией поехал в Нюрнберг на очень заметном лимузине – на черно-белом «Хорьхе» с салоном из красной кожи, про который говорили, что он из гаража Гитлера. У Лихачева была привычка садиться впереди, справа от шофера. Не доезжая до «Гранд-отеля», Гришаев и Соловов попросили остановить машину, поскольку остаток пути решили пройти пешком. Поколебавшись несколько секунд, к ним присоединился и Лихачев.

Минутой позже кто-то в форме рядового американской армии рывком распахнул переднюю правую дверь остановившейся у «Гранд-отеля» машины и в упор выстрелил в шофера Бубена. Лично я считаю, что жертвой нападавшего должен был стать Лихачев, поскольку он наверняка думал, что Лихачев, как всегда, сидит на своем обычном месте. Смертельно раненный Бубен успел сказать: «В меня стрелял американец».

По словам Шейнина, о всем, что происходило в Нюрнбер-

ге, в особенности о скандале вокруг Лихачева, Руденко сообщил прокурору СССР Горшенину, в то время находившемуся в Нюрнберге, Горшенин передал информацию в ЦК партии и начальнику «Смерша» Абакумову. Лихачева отозвали из Нюрнберга и посадили на десять суток под арест.

По прошествии времени Лихачев стал заместителем начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР и, занимаясь делом Еврейского антифашистского комитета, выместил зло на Шейнине, выбив на него, как считал сам Шейнин, компрометирующие показания, после чего он был арестован.

Правда, и Лихачев вскоре превратился из охотника в дичь. В декабре 1954 г. он вместе с Абакумовым и другими руководителями МГБ СССР за допущенные злоупотребления был осужден и расстрелян.

К сожалению, это был не единственный драматический эпизод в работе советской делегации. 22 мая 1946 г. в своем номере был найден мертвым помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Николай Дмитриевич Зоря. По поводу его смерти по сей день существует несколько версий. Официальная – неосторожное обращение с оружием. Ее пока никто доказательно не опроверг. Сын Зори, Юрий Николаевич, при жизни высказывал автору этой книги сомнения по поводу причин кончины отца. Он считал, что в свое время она не была тщательно расследована.

Напряженно работала советская делегация на Нюрнберг-

ском процессе. Ее руководителям все время приходилось держать «руку на пульсе». Особенно велика была степень ответственности Р. А. Руденко. Ему приходилось скрупулезно вникать не только в процессуальную составляющую рассматриваемого трибуналом дела, детально изучать документы, готовиться к выступлениям, но и организовывать всю работу нашей миссии, улаживать возникающие вызовы и угрозы, решать задачи и проблемы, которые могли иметь большой международный резонанс. И такие проблемы возникали постоянно. И не только внутри нашей делегации...

20 ноября 2006 г. на Международной научной конференции, посвященной 60-летию Нюрнбергского процесса, проходившей в Академии наук Российской Федерации, профессор Джон К. Баретт⁶ вспоминал, как «однажды зимним вечером американские солдаты вытащили из советского грузовика, который доставлял к зданию суда захваченные документы нацистов, и сожгли их, чтобы согреться...».

Случай, конечно, не только интересный, но и возмутительный. Однако еще более интересно было узнать о реакции на этот произвол Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Романа Андреевича Руденко. Как повел он себя в этой ситуации? Ведь речь шла о документах, которые, как раньше было уже отмечено, играли весьма важную роль в системе выстраивания доказательств обвинения про-

⁶ Профессор права, Школа права Университета Св. Иоанна, Куинс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки (www.law.stjohns.edu).

тив нацистских преступников и их обличения в совершенных злодеяниях.

Назревал большой скандал. Джексон нервничал. Руденко, напротив, спокойно разбирался с ситуацией. Вероятно, советовался с Москвой. И когда он понял, что сожженные документы не представляют особой ценности, ему достало мудрости, чтобы не раздувать пламя ссоры, и благородства, чтобы не портить нервы своему коллеге. Хорошо понимая, что Джексон переживает по поводу случившегося, Руденко по-мужски и весьма дипломатично успокоил его, доброжелательно сказав: «Мы можем забыть об этом инциденте». Джексон был приятно удивлен. После этого случая отношения между двумя прокурорами стали более доверительными. И как ответственно заметил Джон Баретт во время беседы, состоявшейся у меня с ним в кулуарах конференции, «Джексон тепло и искренне относился к Руденко и симпатизировал представителям СССР...». Он также «уважал завершающее заявление, которое сделал Советский Союз в конце процесса».

Представляется, что это были не пустые слова. В своих мемуарах Джексон действительно записал: «Несогласие представителей СССР с оправданием Шахта, фон Папена и Фриче и то, что нам не удалось объявить генералитет и Верховное командование преступниками, является сдержанным, но значимым мнением, которое не только не ослабляет, но подтверждает правовые принципы, изложенные в приго-

воре трибунала».

Глава 8

О тех, кто обвинял и судил нацистов

О Нюрнбергском процессе, его обвиняемых, а также судьях и обвинителях со стороны США, Великобритании, Франции написано за рубежом много статей и даже книг, благодаря которым участники суда превратились в своих странах в главных действующих лиц и героев Суда народов. Они этого достойны. Но ведь в работе трибунала по изобличению нацистских преступников участвовали не они одни. Пора восстановить историческую справедливость и более подробно рассказать о судьбах тех, кто представлял в Международном военном трибунале Советский Союз. О них почти ничего не известно. А ведь эти люди внесли немалый вклад и в работу трибунала, и в укрепление правопорядка в нашем Отечестве.

В первую очередь это касается Романа Андреевича Руденко. Конечно, он был продуктом сложной исторической эпохи. И не только он... Но ведь, как сказал поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают».

Главный обвинитель от СССР

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) – государственный и общественный деятель, действительный государ-

ственный советник юстиции.

Р. А. Руденко, дольше всех находившегося на посту Генерального прокурора СССР, называли человеком блестящей карьеры. Ведь роль Главного обвинителя в Международном военном трибунале, которую он исполнил с блеском и достоинством, во многом предопределила его судьбу. Советская пресса периода перестройки утверждала, что Руденко был обласкан властью. Еще до войны ему, молодому и способному юристу, явно благоволили такие видные политические деятели, как Н. С. Хрущев и А. Я. Вышинский.

Однако ни в одном официальном документе или публикации не сообщалось о том, что всего за шесть лет до Нюрнбергского процесса будущий Главный обвинитель попал в такую ситуацию, что не знал, чем и когда закончится его жизнь.

В работе прокуратуры Сталинской области, которую он возглавлял, были выявлены недостатки. В основном речь шла о том, что областная прокуратура надлежащим образом не реагировала на заявления граждан. Руденко получил партийный выговор и был снят с должности. По тем временам, а это случилось в 1940 г., нужно было ждать ареста и более суровых мер.

Рассчитывать на помощь покровителей не приходилось. Руденко знал недавнюю историю П. Н. Малянтовича – последнего генерал-прокурора во Временном правительстве Керенского, подписавшего в 1917 г. постановление о задер-

жании Ленина по делу о шпионаже. Ранее Малянтович был адвокатом и очень самоотверженно защищал в суде социал-демократов. В помощниках его ходили А. Я. Вышинский и А. Ф. Керенский. Вышинский считал Малянтовича своим учителем, до революции бывал у него дома и даже столовался.

После ареста Малянтовича его жена, Анжелика Павловна, не раз обращалась к Вышинскому, доказывая, что муж ни в чем не виноват. Но высокопоставленный ученик ничем не помог учителю и даже не сообщил Анжелике Павловне о его расстреле.

Более года Руденко был без работы, находясь в постоянном плену тягостных мыслей, однако духом не пал и использовал это время для продолжения образования. Начавшаяся война, видимо, списала его грехи, и Роман Андреевич был вновь востребован на профессиональном поприще.

Назначение прокурора Украины, имевшего «черную метку» в биографии, Главным обвинителем от СССР было неожиданным и стремительным взлетом к вершине мировой юриспруденции. Оно вовсе не вытекало из логики тогдашнего мышления. Можно представить волнение и трепет Романа Андреевича, которому предстояло выполнить историческую миссию.

Родился он 17 (30) июля 1907 г. в селе Носовка Черниговской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Кроме Романа у родителей было еще пятеро сыновей: Ни-

колай, Иван, Федор, Петр и Антон, а также две дочери – Нина и Надежда. До революции его отец имел лишь одну четверть десятины земли и, чтобы прокормить большое семейство, работал по найму, в основном плотничал, а мать, как это часто бывало у малоземельных крестьян, батрачила. После Октябрьской революции Андрей Руденко получил от советской власти немного земли, но семья жила так же трудно. В 1929 г. вступили в колхоз.

Роман рос сметливым и бойким, любил верховодить, за что товарищи дали ему прозвище «ватажок». Окончив в 1922 г. школу-семилетку в Носовке, работал в родительском крестьянском хозяйстве, летом пас скот по найму. В 1924 г. поступил на сахарный завод чернорабочим, на предприятии стал комсомольским активистом.

Старший брат, Николай Андреевич, рассказывал автору этой книги, что еще в детские и юношеские годы Роман имел неумную тягу к знаниям, отмечал его собранность и дисциплинированность. Видимо, именно эти черты характера позволили ему пройти путь от чернорабочего до Генерального прокурора СССР и Главного обвинителя от Советского Союза в Международном военном трибунале.

В декабре 1925 г. Романа Руденко избрали членом Носовского райкома комсомола. На пленуме райкома он вошел в состав бюро и стал штатным комсомольским работником, заведующим культурно-пропагандистской деятельностью. Одновременно работал инспектором в райисполкоме. После

вступления в партию (декабрь 1926 г.) возглавил райотдел культуры.

Следующим шагом была должность инспектора окружного комитета рабоче-крестьянской инспекции в городе Нежине. Здесь Руденко познакомился с юриспруденцией, выступая общественным обвинителем в суде, приобрел и журналистский опыт, сотрудничая с местными газетами.

Плоть от плоти крестьянин, Роман Андреевич безоговорочно разделял политику большевистской партии, и, как сам писал в анкетах, у него «колебаний не было, в оппозициях не участвовал». Такие люди в те времена ценились, и партийные комитеты их нещадно эксплуатировали, бросая на самые трудные участки работы. Так произошло и с Руденко.

В 1922 г. была образована советская прокуратура. Она остро нуждалась в кадрах. Грамотных людей в стране было не так уж и много, а юридически подкованных – тем более. В ноябре 1929 г. окружной комитет партии принял решение о мобилизации молодого коммуниста Романа Руденко в прокуратуру. Так он оказался в должности старшего следователя окружной прокуратуры в Нежине.

Руденко оказался из тех, кто схватывает все на лету, и через семь месяцев его перевели помощником окружного прокурора в Чернигов. А спустя еще четыре месяца Роман Андреевич в возрасте 23 лет возглавил Бериславскую районную прокуратуру в Николаевской области.

Росту способствовали незаурядные личные качества Ру-

денко – высокая работоспособность, вдумчивость, принципиальность, умение отстаивать свою точку зрения. Окружающим были симпатичны его скромность, доброжелательность, умение располагать к себе, создавать теплую обстановку в коллективе.

Быстрое выдвижение способных людей было характерной чертой того бурного времени. В 1931 г. Руденко – помощник Мариупольского городского прокурора. В 1932 г. – старший помощник областного прокурора в Донецке. В 1933 г. – прокурор города Макеевка... В конце 1937 г. мы видим его на посту прокурора Донецкой области, а затем, после разделения ее на Сталинскую и Ворошиловградскую, – прокурором Сталинской области.

Роман Андреевич стал заметной политической фигурой. В 1939 г. он присутствовал с правом совещательного голоса на XVIII съезде ВКП(б). Его знал и ценил Н. С. Хрущев, избранный в феврале 1938 г. первым секретарем ЦК компартии Украины.

Роман Андреевич был на особом счету и в Прокуратуре Союза ССР. Ходили слухи, что, когда в июне 1939 г. встал вопрос о назначении нового Прокурора СССР, Вышинский, уходящий на должность заместителя председателя Совнаркома СССР, предложил оставляемое им кресло Руденко, но Хрущев «заартачился», не желая отпускать толкового областного прокурора, и назначение тогда не состоялось.

Однако очень скоро перспективного прокурора постигло

увольнение, о котором упоминалось выше. Проведенная в 1940 г. проверка выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. о перестройке работы по надзору за органами НКВД установила, что прокурор Сталинской области этого постановления не выполнил. Например, спецотдел прокуратуры оказался неукomплектованным – вместо пяти человек по штату работали только двое. Также на день проверки в спецотделе прокуратуры имелось 3603 жалобы, из них 1839 жалоб лежали, по существу, не разрешенными с 1939 г. Отдельные жалобы волокитились с 1938 г. Истребованные еще в январе 1940 г. из УНКВД 305 дел были не рассмотрены.

Не будем искать у этой проверки двойного дна – скорее всего, эти недостатки действительно были. Прокурора области, которому было от роду 33 года, сняли с работы и объявили выговор по партийной линии. Решение об этом принималось в Москве. Заведующий отделом управления кадров ЦК ВКП(б) Бакакин и инструктор управления кадров Гришин подписали заключение, в котором было предложено ЦК КП(б) Украины и Прокуратуре СССР освободить Руденко от занимаемой должности. В августе 1940 г. такое решение состоялось. Обычно в те годы увольнением дело не заканчивалось, и за ним вполне мог последовать арест.

Надо полагать, много бессонных ночей провел тогда Роман Андреевич, тем не менее устоял и даже не оставил мыслей продолжить прокурорскую службу. Правда, об этой горь-

кой странице своей жизни он никогда и никому не говорил. 15 сентября 1940 г. Роман Андреевич стал слушателем Высших академических курсов Всесоюзной правовой академии. Одновременно его зачислили в экстернат Московской юридической школы Наркомата юстиции РСФСР. Таким образом, учиться ему пришлось на «два фронта».

Выпускные экзамены на Высших курсах совпали с началом Великой Отечественной войны. Свидетельство об окончании курсов Руденко получил 27 июня 1941 г. Оценки почти по всем предметам у него были отличные. А еще через три дня, 1 июля, Роман Андреевич успешно выдержал экзамены в юридической школе. В том же 1941-м Руденко поступил на экстернат Московского юридического института, однако продолжить учебу помешала война.

26 июня 1941 г. судьба вновь улыбнулась Руденко. Приказом Прокурора СССР он назначается начальником отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами милиции. В коллективе Роман Андреевич прижился довольно быстро. Коллеги уважали его за выдержанность, спокойствие и трудолюбие. В Москве Роман Андреевич оставался до начала весны следующего года.

В феврале 1942 г. встал вопрос о направлении Руденко в Прокуратуру Украинской ССР на должность заместителя Прокурора республики вместо Ф. А. Беляева, поставленного Прокурором Узбекской ССР. Наверное, это было сделано не без инициативы тогдашнего первого секретаря ЦК компар-

тии Украины Н. С. Хрущева, хотя официально вопрос согласовывался с секретарем республиканского ЦК Спиваком. 25 февраля 1942 г. Прокурор СССР В. М. Бочков обратился с соответствующей просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. В союзном ЦК партии не возражали, и 12 марта 1942 г. Бочков издал приказ о назначении Руденко заместителем Прокурора Украинской ССР по общим вопросам.

Аппарат Прокуратуры Украины, большая часть территории которой была оккупирована, располагался в то время в Ворошиловграде. При невеликом штате – всего 23 человека вместе с техническими работниками – задач по прокурорскому надзору непочатый край: выполнение оборонных заказов, ремонт боевой техники, строительство оборонительных сооружений и т. д. В числе главных направлений работы было также укрепление трудовой дисциплины и предупреждение эпидемических заболеваний. Работникам прокуратуры приходилось выезжать в прифронтовые районы, помогать районным прокурорам. Добираться до места обычно приходилось на попутных машинах, а то и пешком.

В конце июля 1942 г. военная обстановка осложнилась и советские войска полностью оставили Украину. На территории РСФСР продолжила деятельность оперативная группа Прокуратуры республики во главе с исполняющим обязанности Прокурора Украины Р. А. Руденко.

В 1943 г. началось освобождение украинской земли, которое было завершено в октябре 1944 г. Оперативной груп-

пе Прокуратуры УССР предстояло восстановить все звенья прокурорского надзора. В начале 1943 г. группа базировалась в очищенных от врага районах Ворошиловградской области, затем – Харьковской, а с августа 1943 г. – в самом Харькове.

23 июня 1943 г. Р. А. Руденко назначается на пост Прокурора Украинской ССР, сменив Л. И. Яченина, находившегося в Красной армии на должности прокурора фронта.

Забот у руководителя прокуратуры второй по величине советской республики, серьезно пострадавшей от фашистского нашествия, было предостаточно. Прокурорский надзор был направлен на выполнение директив правительства о восстановлении народного хозяйства, соблюдение прав военнослужащих и членов их семей, инвалидов войны, трудящихся предприятий и колхозов, борьбу с детской беспризорностью. Р. А. Руденко лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинств и террора нацистов против мирных жителей. Собранные по этому вопросу материалы передавались в созданную правительством СССР Чрезвычайную государственную комиссию.

Незадолго до освобождения Киева, 4 октября 1943 г., Руденко своим приказом создал специальную группу. В приказе говорилось: «1. Группе войти в Киев в день его освобождения. 2. Под руководством и при содействии партийных и советских органов обеспечить соблюдение в нем социалистической законности и советского правопорядка».

Прокуроры вошли в город 6 ноября, вслед за боевыми порядками войск. Член группы К. Н. Гавинский вспоминал: «...Оставив позади пылающую Дарницу, наша группа вышла к Днепру. Нашли лодку без весел и поплыли по течению, подгребая к правому берегу обломком доски. Нас снесло к разрушенному мосту. По его фермам добрались до берега. Среди руин Крещатика шла узкая тропа. По безлюдным улицам, промокшие и озябшие, но бесконечно счастливые, мы вышли на площадь Калинина.

Было шесть часов вечера. Неожиданно из репродуктора, установленного воинской частью на одной из стен полуразрушенного здания городского Совета, раздался голос диктора: «От Советского информбюро....» Прозвучало сообщение об освобождении Киева.

На следующий же день мы приступили к делу. Прежде всего установили связь с прибывающими в город партийными и советскими работниками. Каждый из нас, возглавив одну из прокуратур района, обязан был немедленно организовать ее деятельность».

Следом в столицу республики, еще дымящуюся военными пожарами, переместился Р. А. Руденко и весь аппарат прокуратуры.

Гавинский рассказывал автору книги, что Роман Андреевич проявил тогда большие организаторские способности и умение работы в экстремальных условиях. Был очень доступным для общения руководителем и исключительно тру-

доспособным человеком. Все вопросы решал быстро, четко и профессионально.

В начале 1944 г. на освобожденной территории Украины уже действовала 321 районная прокуратура. Кадры собирались по всей стране. По состоянию на июнь 1944 г. в распоряжение Прокурора УССР прибыло две тысячи человек. Их, конечно, было недостаточно, и по распоряжению Р. А. Руденко в шести городах были созданы краткосрочные юридические курсы.

Профессионал своего дела, он часто выступал в судах в качестве государственного обвинителя, в том числе и в Москве. Например, с 20 по 22 июня 1945 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело по обвинению генерала Л. Б. Окулицкого и других (всего 15 человек), руководивших польским подпольем в тылу Красной армии (так называемой Армией Крайовой). В ходе террористической деятельности этой «армии» только с июля 1944-го по май 1945 г. было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров.

Основным обвинителем был утвержден Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела у Сталина возник вопрос о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал Прокурора Украинской ССР Р. А. Руденко. Сталин с ним согласился.

Процесс был громким, его широко освещала советская и зарубежная пресса, некоторые заседания транслировались

по радио на всю страну. Роман Андреевич показал себя на процессе настойчивым и находчивым обвинителем, ярким, красноречивым оратором, что было замечено вождем и сыграло роль при его назначении в Нюрнберг Главным обвинителем от СССР.

Надо сказать, Прокурор Украинской ССР блестяще справился с трудной задачей. Участие Руденко в Нюрнбергском процессе – ярчайшая страница в его биографии.

Он прославился как юрист высочайшей квалификации, человек твердых принципов, великолепный оратор. Стиль допроса Руденко отличался наступательностью, в нем преобладала четкая аргументация и убийственная логика преподнесения факта, которую невозможно опровергнуть.

Характерную деталь привел участник Нюрнбергского процесса А. Полтораки. Он писал: «Геринг и его коллеги по скамье с самого начала прибегали к весьма примитивному приему, для того чтобы посеять рознь между обвинителями четырех держав. Держась в рамках судебного приличия в отношениях с западными обвинителями, они сразу же пытались подвергнуть обструкции советского прокурора. Как только Руденко начал вступительную речь, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники. Но продолжалось это недолго. Стоило только Руденко назвать имя Геринга, как у рейхс-маршала сдали нервы, он быстренько опять надел наушники и через минуту-две уже стал что-то записывать».

По его же словам, когда Руденко закончил допрос Риббен-

тропа, Геринг с жалостью посмотрел на бывшего министра иностранных дел и лаконично подвел итог: «С Риббентропом покончено. Он теперь морально сломлен».

«С не меньшим основанием, — писал А. Полторак, — Риббентроп мог сказать это и в отношении Германа Геринга, когда он возвращался на свое место после допроса советским обвинителем. В Нюрнберге в то время распространился нелепый слух, будто Руденко, возмущенный в ходе допроса наглостью Геринга, выхватил пистолет и застрелил нациста № 2. 10 апреля 1946 г. об этом даже сообщила газета «Старз энд страйпс». Такая дичайшая газетная «утка» многих из нас буквально ошеломила. Но меня тотчас же успокоил один американский журналист: «Собственно, чего вы так возмущаетесь, майор? Какая разница, как было покончено с Герингом? Как будто ему легче пришлось от пулеметной очереди убийственных вопросов вашего обвинителя...»

Молодого советского прокурора (ему было тогда 38 лет) узнал и слышал весь мир. Его выступления вошли в учебники для юридических вузов как образцы доказательности, логики и ораторского искусства.

Заключительную речь Главный обвинитель от СССР Руденко произносил два дня, 29 и 30 июля 1946 г. Конечно, эта речь — коллективное творчество советской делегации, но произнес ее Роман Андреевич мастерски. Об этом единодушно говорят все очевидцы событий тех лет.

30 августа 1946 г. Руденко произнес заключительную речь

по делу преступных организаций. В конце ее Руденко сказал: «Обвинение выполнило свой долг перед Высоким Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью. Да свершится же над фашистскими палачами Суд народов – Суд справедливый и суровый!»

После завершения Нюрнбергского процесса Роман Андреевич продолжал руководить Прокуратурой Украинской ССР, по праву считаясь одним из лучших юристов страны.

В начале 50-х гг. должность Генерального прокурора СССР занимал Г. Н. Сафонов, который не пользовался большим уважением у руководства страны. Великолепный практик и исполнитель, он был хорош на вторых ролях, а вот обязанности первого лица были для него трудны. Претензии к Сафонову накапливались, но он оставался на своем посту. Ход событий ускорил арест Берии, произведенный группой высокопоставленных военных на заседании Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 г.

У Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова, вершивших тогда дела в стране, возникла необходимость в авторитетном и умелом прокуроре, облеченном должностью союзного масштаба. В Москву был срочно вызван Прокурор УССР Руденко.

В воспоминаниях Хрущева об этом сказано так: «Тут же мы решили, назавтра или послезавтра, так скоро, как это было технически возможно, созвать пленум ЦК, где и поставить вопрос о Берии. Одновременно было решено освободи-

дить Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия и мы сомневались, что он может объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили товарища Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии».

Роман Андреевич отправился в Москву из Киева 29 июня 1953 г. Скорее всего, в тот момент он еще не знал о цели вызова. В командировочном удостоверении было указано, что он едет в столицу «по служебным делам» на семь дней. Однако недельная командировка растянулась на 27 лет напряженной работы на посту главного законника страны.

События развивались с ошеломительной скоростью. В тот же день на заседании Президиума ЦК КПСС Руденко был утвержден Генеральным прокурором СССР вместо смещенного Сафонова. 29 июня вышел соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР. На том же заседании Президиума ЦК было принято Постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии».

Ведение следствия поручалось Руденко. Ему предлагалось в суточный срок подобрать следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, «с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний», к выявлению и расследованию «фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берии через его окружение (Кобулов Б., Кобу-

лов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.)»).

1 июля 1953 г. работников Прокуратуры СССР срочно собрали в Мраморном зале. Перед ними появился Р. А. Руденко – один, без обычного в таких случаях представителя ЦК, и объявил, что он назначен Генеральным прокурором.

Следственная работа закипела. Однако, как в былые времена крупных сталинских процессов, ей была свойственна заданность. Еще до начала следствия были опубликованы партийные и государственные решения по делу Берии, в которых он уже был назван преступником. Следствию, а затем и суду лишь предстояло облечь в юридическую «упаковку» партийные и советские директивы. Вновь назначенный Генеральный прокурор при всем желании не смог бы сломать этот порядок вещей.

Нарушений юридических норм и традиций было немало. Проект обвинительного заключения рассматривался и дорабатывался не в прокуратуре, а на заседании Президиума ЦК. Более того, «для усиления партийного влияния» к шлифовке этого документа был приставлен секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Кандидатов в состав специального присутствия Верховного суда СССР был обязан предложить Р. А. Руденко, то есть прокурору предстояло определить судей по делу, по которому он вел следствие. Вдобавок Президиум ЦК решил, что дело Берии и его соучастников должно рассматриваться в закрытом судебном заседании, без участия сторон, то есть на него не допускались ни обвинители, ни защитники.

Из восьми назначенных судей только двое имели отношение к органам юстиции – первый заместитель председателя Верховного суда СССР и председатель Московского городского суда Л. А. Громов. Остальные являлись партийными и профсоюзными функционерами, военными. Один судья – К. Ф. Лунев – был первым заместителем министра внутренних дел СССР.

Генерал армии Москаленко, участвовавший в аресте Берии, оказался в нескольких ипостасях. Он был в составе следственной бригады, затем оказался в числе судей и, наконец, участвовал в расстреле Берии. Чтобы один и тот же человек арестовывал, вел следствие, судил и приводил приговор в исполнение – такого не случалось даже во время репрессий 1930-х гг.

Все преданные суду лица обвинялись по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за государственные преступления (измена Родине, совершение террористических актов, активная борьба против рабочего класса и революционного движения и т. д.). Судебное заседание открылось 18-го и закончилось 23 декабря 1953 г. вынесением смертного приговора всем подсудимым. В день окончания суда приговор был приведен в исполнение в присутствии Генерального прокурора СССР.

Далее Роману Андреевичу пришлось заняться и другими одиозными материалами. Именно ему поручили провести следствие по делу В. С. Абакумова, бывшего министра

государственной безопасности СССР, инициатора так называемого «Ленинградского дела». Подход к нему также трудно назвать правовым. На заседании Президиума ЦК КПСС 15 сентября 1954 г. был фактически предрешен приговор, утверждена судебная коллегия.

Судя по всему, Генеральный прокурор в какой-то степени действовал в той же системе координат, поскольку выступал за слушание дела Абакумова в закрытом судебном заседании (как и дела Берии), однако его предложение не прошло.

На суде, начавшемся 14 декабря 1954 г., Абакумов виновным себя не признал, утверждая, что дело его сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым. Тем не менее Абакумов и некоторые его соучастники были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. Абакумову даже не дали возможности его обжаловать.

В 1955–1956 гг. Руденко участвовал и в процессах над бывшими грузинскими «друзьями» Берии – Рапавой, Рухадзе, Церетели, Савицким, Кримяном, Надария, Хазаном и Парамоновым, а также «соратником» Берии – бывшим первым секретарем ЦК компартии Азербайджана и председателем Совета министров республики Багировым. Вместе с Багировым на скамье подсудимых оказались еще пятеро руководителей органов внутренних дел Дагестана, Армении и Азербайджана.

Однако времена менялись, и Р. А. Руденко чувствовал императив к приоритету права. Роман Андреевич начал посте-

ленно расчищать авгиевы конюшни, в которые фактически превратились органы правопорядка, да и сама законность в стране. Именно Руденко осуществил мероприятия по восстановлению в своих правах прокурорского надзора после долгих лет диктатуры и произвола. И не просто восстанавливал, а создавал гарантии социалистической законности, соответствующей духу перемен.

Он подчеркивал обязательность советских законов для всех, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, неразрывную связь законности с культурностью. Эти идеи он проводил в жизнь, конечно, в тех пределах, которые допускались руководством страны. Однако и в этой ситуации перемены к лучшему были хорошо заметны. Например, при нем в центральном аппарате появилась стабильность кадров – чехарда, свойственная предыдущим годам, исчезла.

Ранее безликие и, по существу, бесправные прокуроры стали наиболее активными проводниками социалистической законности. Слово «закон» стало, наконец, употребляться в связке с такими понятиями, как справедливость, порядочность, честность. Началось постепенное, пока еще медленное и нерешительное, исправление недостатков и преступлений, имевших место в сталинское время.

Одной из причин произвола при расследовании преступлений, пусть не главной, был низкий уровень следственной работы, недостаточная квалификация следователей. Приказ

Руденко «О мероприятиях по повышению квалификации следователей органов прокуратуры» от 14 октября 1953 г. был одной из его первых директив. По всей стране началась учеба кадров, улучшалось техническое оснащение следствия.

После июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС появилось «оттепелю» и какой-то, пусть урезанной, ограниченной определенными рамками, но все же свободой. Прежде все- сильные органы внутренних дел и государственной безопасности были поставлены в рамки закона и играли уже не ту роль, что прежде, в жизни общества. Восстанавливались в своих правах суды и прокурорский надзор. Внесудебные расправы ликвидировались.

Вскоре после назначения Генеральным прокурором Р. А. Руденко подписал первые документы, касающиеся реабилитации лиц, невинно привлеченных к уголовной ответственности. Раньше других справедливость была восстановлена в отношении высшего командного состава Красной армии. 19 марта 1954 г. Руденко, министр внутренних дел Круглов, председатель КГБ Серов и министр юстиции Горшенин направили в Президиум ЦК записку с предложением образовать Центральную комиссию по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах (467 946 человек) и находящихся в ссылке на поселениях (62 462 человека). Кроме Центральной, предлагалось создать соответствующие комиссии

в республиках, краях и областях. 4 мая 1954 г. такие комиссии были образованы и вскоре приступили к работе.

Первая кампания по пересмотру дел была довольно осторожной. Примерно каждый второй из осужденных получал отказ в реабилитации. Характерен такой пример. Поэтесса А. А. Ахматова обратилась к К. Е. Ворошилову с просьбой пересмотреть дело ее сына, Льва Николаевича Гумилева, молодого ученого-востоковеда, вторично арестованного органами МГБ СССР в 1949 г. и приговоренного особым совещанием к 10 годам лишения свободы. На письме имеется резолюция Ворошилова: «Руденко Р. А. Прошу рассмотреть и помочь». Тем не менее в своей записке на имя Ворошилова Руденко сообщил, что Гумилев занимался антисоветской деятельностью, осужден правильно и что Центральная комиссия по пересмотру дел 14 июня 1954 г. приняла решение отказать Ахматовой в ее ходатайстве.

Но тенденция к расширению процесса реабилитации была очевидной. Р. А. Руденко подчеркивал: «Всем нам придется столкнуться с тем, что оценки некоторых событий и их участников, казавшиеся неизменными, нужно будет пересмотреть. Сделать это надо во имя истины, справедливости и правды истории».

Важно было также не делать новых ошибок. 4 августа 1955 г. Генеральный прокурор Союза издал приказ, который касался усиления прокурорского надзора за соблюдением законности при задержании, аресте и привлечении гражд-

дан к уголовной ответственности. Р. А. Руденко потребовал от подчиненных ювелирной точности при решении этих вопросов.

В приказе прямо предписывалось применять арест в качестве меры пресечения лишь при совершении тяжких преступлений, тогда как многие прокуроры прибегали к нему по незначительным поводам. Как пример Р. А. Руденко привел действия прокурора одного из районов Баку, который за единственный случай обвеса покупателя арестовал продавщицу, на иждивении которой находилось девять человек, из них семь малолетних детей. В Московской области районный прокурор арестовал трех подростков за кражу голубей.

С другой стороны, Роман Андреевич активно боролся с волокитой, которую демонстрировали некоторые прокуроры при привлечении к ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления.

В начале 1957 г. была реформирована структура Прокуратуры СССР, а затем и прокуратур республик, краев и областей. Этими мерами руководство стремилось подчеркнуть изменения, наметившиеся в правоохранительной системе, показывая, что с прошлым покончено раз и навсегда. Менялось судопроизводство, уголовное, уголовно-процессуальное и даже гражданское законодательство. Прокуратура СССР и Р. А. Руденко, как ее руководитель и одновременно депутат Верховного Совета СССР, деятельно участвовали в подготовке законопроектов, обсуждая и шлифуя каждую

статью новых нормативных актов.

Улучшению деятельности прокурорской системы способствовало образование в феврале 1959 г. в Прокуратуре СССР и в прокуратурах союзных республик коллегий. Коллективность была хорошим средством снизить число поспешных, необоснованных и субъективных решений. Первыми членами коллегии Прокуратуры Союза стали: Р. А. Руденко (председатель), А. Т. Горный, П. И. Кудрявцев, В. В. Куликов, А. М. Мишутин, Г. Н. Новиков, И. Е. Савельев, Д. Ш. Салин, Г. А. Терехов.

При Руденко изменилась не только форменная одежда прокурорских работников, но что самое главное, содержание служебной деятельности стражей законности. Прокуроры, оставаясь главными защитниками государственных интересов, теперь были ориентированы в неизмеримо большей степени, чем раньше, на обеспечение прав и законных интересов граждан.

Занятый государственными делами, Руденко уже не так часто, как в первые годы, поднимался на судебную трибуну. Однако, как только возникло громкое уголовное дело, Генеральный прокурор взялся поддерживать по нему обвинение. Это было дело американского летчика-шпиона Ф. Г. Пауэрса, сбитого над территорией СССР 1 мая 1960 г.

Процесс над Пауэрсом показал большой прогресс, достигнутый советской правоохранительной системой, и высочайшую квалификацию Р. А. Руденко. После окончания су-

дебного следствия и исследования всех доказательств Роман Андреевич произнес исключительно аргументированную, взвешенную и обстоятельную обвинительную речь. По оценкам западных юристов, Руденко был предельно справедлив по отношению к Пауэрсу.

«Я не думаю, что если бы Пауэрса судили в США, то к нему отнеслись бы так же вежливо и внимательно», – подчеркнул американский юрист В. Холлинен. Английский же юрист Л. Дейчес заметил, что ему было «приятно отметить вежливую, сдержанную манеру допроса обвиняемого Генеральным прокурором. Его допрос не оскорблял и не задевал Пауэрса. Именно такой стиль допроса обвиняемого любят в Англии».

19 августа 1960 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Пауэрса к 10 годам лишения свободы, причем первые три года он должен был находиться в тюрьме. Два года спустя по решению советского правительства Пауэрс был обменен на задержанного в США советского разведчика Абея.

Материалы следствия и судебного процесса над летчиком-шпионом Пауэрсом, а также вся история с этой подрывной акцией, разработанной под руководством небезызвестного директора ЦРУ Даллеса, легли в основу двухсерийного художественного фильма, снятого в 1985 г. режиссером-постановщиком народным артистом СССР Т. Левчуком по сценарию Б. Антонова и И. Менджерицкого. Но фильм «Госу-

дарственный обвинитель» был посвящен все же Генеральному прокурору СССР Руденко, чью роль блестяще исполнил киноактер С. Яковлев.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. Роман Андреевич Руденко достиг вершины, на которую до него не поднимался ни один союзный прокурор. Руденко внес живую струю не только в содержание прокурорского надзора, но, что не менее важно, и в атмосферу прокурорских коридоров. Бывший Генеральный прокурор Сафонов мог «не заметить» при встрече не только рядового работника, но и начальника отдела. С Романом Андреевичем никогда такого не случалось.

При всей своей требовательности и взыскательности он был неизменно корректен, доброжелателен и доступен для всех. Прокурор отдела мог прийти к нему на прием и доложить свою точку зрения на тот или иной решаемый вопрос. Единственное, на чем настаивал Руденко, так это на соблюдении прокурорской иерархии. Роман Андреевич требовал, чтобы ему докладывали о делах, по которым состоялись решения его заместителей. Руденко не только уважал и ценил процессуальную независимость любого работника, но и насаждал ее, добивался, чтобы каждый был ответствен за свое решение. Он был непримирим, когда дело касалось очищения органов прокуратуры от нечистоплотных работников, злоупотребляющих своим высоким положением. Многие современники, хорошо знавшие Романа Андреевича, отзывались о нем как о действительно государственном человеке.

Но даже явные достоинства, большие заслуги и то, что он был вхож к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, не гарантировали Руденко безоблачной карьеры. Интриги начал плести заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Н. Р. Миронов. И над Романом Андреевичем вновь сгустились тучи...

Партийное руководство тогда поставило авантюрную задачу – в кратчайшие сроки ликвидировать преступность. За сверхбыстрое решение «эпохальной» задачи рьяно взялся Миронов, а подыгрывал ему тогдашний министр внутренних дел Щелоков. Победить преступность одним махом можно было только путем сокрытия преступлений. Но на пути стояли работники прокуратуры, в первую очередь Генеральный прокурор, требовавший от подчиненных регистрации всех преступлений.

Миронов многое успел предпринять: открыто критиковал Руденко, подготовил почву для смены Генпрокурора в ЦК и даже внедрил в заместители Романа Андреевича своего ставленника – М. П. Малярова, которого прочили на главное место. Но ход событий резко изменился. 19 октября 1964 г. погибает в авиационной катастрофе Миронов, а за несколько дней до этого, 14 октября, на заседании Пленума ЦК был освобожден от должности Н. С. Хрущев. Центральный Комитет возглавил Л. И. Брежнев, с которым у Руденко были неплохие отношения.

Однако Роман Андреевич, хотя и был по натуре большим

дипломатом, уже тогда поднимался до открытых возражений.

Во времена Брежнева развернулась настоящая битва за следствие. Право прокуратуры расследовать уголовные дела ставилось под сомнение. Особенно усердствовал в критике министр внутренних дел Щелоков, добивавшийся передачи всего следствия в МВД.

Большой поддержки он не получил и, наконец, поставил вопрос в урезанном виде – передать в подследственность МВД хотя бы дела несовершеннолетних. На свою сторону он заранее склонил Леонида Ильича, который неожиданно для всех вынес предложение Щелокова на заседание Политбюро. Гром вновь грянул над головой Романа Андреевича.

Руденко, безусловно, знал об особых, дружеских отношениях Брежнева и Щелокова. Однако в ходе заседания Роман Андреевич пошел ва-банк – он решительно и аргументированно выступил против предложения Щелокова. К сожалению, «бунт» Генерального прокурора никто из членов Политбюро не поддержал и все, даже те, кто на самом деле был против, послушно проголосовали за то, что предложил генсек.

Авторитет Руденко был столь велик, что его выступление осталось без последствий. Сознывая, видимо, неловкость ситуации, Брежнев развел руками и сказал, словно извиняясь перед Руденко: «Вот видите, Роман Андреевич, никто вас не поддерживает», – и добавил еще несколько слов о том, как

Политбюро уважает и ценит Генерального прокурора.

Будучи абсолютно преданным слугой Советского государства, Роман Андреевич совершенно искренне отрицал «всякое диссидентство». Именно он, например, приложил руку к выдворению из страны А. И. Солженицына и ссылке академика А. Д. Сахарова.

Но чаша добрых дел на весах истории несравненно больше. Особенно весом вклад Романа Андреевича в укрепление прокурорских кадров. Когда он только пришел в Генеральную прокуратуру СССР, высшее юридическое образование имели лишь 30 % прокуроров и следователей. Менее чем через 20 лет их стало уже 70 %, а в 1981 г. – почти 99 %. Две трети районных и городских прокуроров, основного звена прокурорской системы, имели стаж работы свыше 10 лет, то есть были умелыми и опытными руководителями. Среди них было немало и тех, кто занимал должности три, а то и четыре конституционных срока подряд.

Стараниями Романа Андреевича Руденко в 1970 г. были созданы Высшие курсы повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР, впоследствии преобразованные в институт, который существует и поныне.

Р. А. Руденко был награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями, являлся депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, на четырех партийных съездах избирался в Центральный Комитет КПСС.

Р. А. Руденко скончался в Москве 23 января 1981 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Помощники Главного обвинителя от СССР

ПОКРОВСКИЙ Юрий Владимирович (1902–1953) – специалист в области права, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Работал в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве заместителя Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделам обвинения «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии» и «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными», участвовал в допросах подсудимых и свидетелей. Далее работал начальником правового отдела советской части Союзнической комиссии в Австрии. Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

ЗОРЕЯ Николай Дмитриевич (1907–1946) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Отца не помнит, мать умерла в 1921 г. Жил в Киеве. В детстве был обучен французскому языку, живописи, игре на фортепиано. После смерти матери беспризорничал, затем попал в детский дом. В 1927 г. окончил юридическое отде-

ление факультета общественных наук Московского университета.

Поначалу работал следователем районной прокуратуры в Пятигорске, потом в органах прокуратуры в Тамбове, Воронеже. Затем был назначен на должность заместителя главного прокурора на железнодорожном транспорте.

Отличительные черты Н. Д. Зори – принципиальность, точность и предельная честность.

С началом Великой Отечественной войны служил в действующей армии помощником, а затем заместителем прокурора фронта, прокурором армии. Участвовал в Керченско-Феодосийской, Сталинградской, Орловско-Курской операциях. В августе 1944 г. он был назначен советником по правовым вопросам Н. Булганина, возглавлявшего советское представительство при польском комитете национального освобождения. Это было сложное время Варшавского восстания, стоившее Зоре сильнейшего психологического напряжения. Он вышел в отставку и год оставался без работы. В мае 1945 г. его назначили помощником Прокурора СССР, а 28 декабря 1945 г. направили в Нюрнберг помощником Главного обвинителя от СССР. Грамотный юрист и великолепный оратор, он произнес речи по разделам обвинения «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и угон в фашистское рабство», участвовал в допросах свидетелей.

Как уже ранее отмечалось, 22 мая 1946 г. произошла тра-

гедия: Н. Д. Зоря был найден мертвым в своем номере...

Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

РАГИНСКИЙ Марк Юрьевич (1903–1991) – известный юрист, государственный советник юстиции 2-го класса, доктор юридических наук. В 1923 г. начал работать следователем в органах прокуратуры Петроградской губернии, затем в Гомеле, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Москве. В 1934 г. переведен в Прокуратуру СССР прокурором отдела.

Затем он – следователь, следователь по важнейшим делам, помощник Прокурора СССР.

Во время Великой Отечественной войны руководил оперативной группой прокуратуры по контролю за производством боеприпасов. В мае 1942 г. назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны на один из уральских заводов Наркомата боеприпасов. Объемы выпуска продукции на предприятии постоянно росли, а рабочих не хватало. Для пополнения кадров Рагинский использовал свои прокурорские полномочия. «Мне было известно, что на территории области отбывают наказание лица, осужденные за самовольный уход с предприятий, – вспоминал он. – В течение нескольких дней вместе с работниками областной прокуратуры мы ознакомились с материалами на этих осужденных, со многими из них побеседовали. Получив по телефону разрешение Прокурора СССР В. М. Бочкова, я отобрал

несколько сотен человек, приостановил в отношении их исполнение приговора и направил их на завод. Эти люди самоотверженным трудом искупили свою вину, в установленном порядке были помилованы, а по окончании войны многие из них награждены орденами и медалями».

В военное и послевоенное время участвовал в подготовке и проведении судебных процессов над фашистскими преступниками и их пособниками. Был помощником Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. Выступал по разделам обвинения «Ограбление и уничтожение культурных ценностей», «Разрушение и уничтожение городов и сел», допрашивал свидетелей.

С 1950 г. работал во Всесоюзном институте юридических наук, с 1963 г. – во Всесоюзном институте проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР. С 1968 г. – доктор юридических наук, профессор.

Автор около двухсот научных работ и многих книг. Среди них: «Ни давности, ни забвения...», «Милитаристы на скамье подсудимых (по материалам Токийского и Хабаровского процессов)», «Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника».

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

СМИРНОВ Лев Николаевич (1911–1986) – видный

юрист, государственный и общественный деятель. Начал трудиться с 15 лет: сотрудник молодежной газеты, лектор, инспектор-методист отдела культурно-просветительной работы Ленинградского горисполкома.

С 1934 г. работал в органах прокуратуры. Занимал должности старшего следователя Ленинградской областной и Мурманской окружной прокуратур, прокуратуры Петроградского района Ленинграда, старшего следователя-методиста Ленинградской городской прокуратуры.

С 1941 г. на фронте – следователь военной прокуратуры. В 1943 г. переведен в аппарат Прокуратуры СССР – следователь по важнейшим делам, прокурор следственного отдела, прокурор для особых поручений при Прокуроре СССР.

Выполнял специальные поручения по расследованию и поддержанию обвинения по ряду дел о злодеяниях фашистских захватчиков, в частности в качестве государственного обвинителя выступал на Смоленском процессе. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника Главного обвинителя от СССР. Представлял доказательства по разделам обвинения «Преступления против мирного населения», «Преступления против человечности», а также о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британских воздушных сил, расстрелянных после неудачного побега из концлагеря.

Л. Н. Смирнов был помощником советского обвинителя на процессе в Токио над главными японскими военными

преступниками, поддерживал государственное обвинение на Хабаровском процессе, который осудил японских милитаристов, виновных в подготовке бактериологической войны.

С 1957 г. Л. Н. Смирнов – заместитель председателя Верховного суда СССР. С 1962 г. – председатель Верховного суда РСФСР. В 1972–1984 гг. он возглавлял Верховный суд СССР.

Входил в Советский комитет защиты мира, был членом совета Международной ассоциации юристов-демократов, председателем Ассоциации советских юристов.

Награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. В 1981 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

КАРЕВ Дмитрий Степанович (1908–1972) – специалист в области права, доктор юридических наук, полковник юстиции. На юридическом факультете МГУ преподавал курс судопроизводства и уголовного процесса. Автор учебников и учебных пособий для студентов и практиков. На Нюрнбергском процессе был помощником Главного обвинителя от СССР. Ведал документальной частью обвинения, докладывал на заседаниях суда порядок представления доказательств. Автор брошюры «Нюрнбергский процесс».

ШЕЙНИН Лев Романович (1906–1967) – специалист

в области права, государственный советник юстиции 2-го класса, писатель и драматург. Родился 12 марта 1906 г. в поселке Брусованка Велижского уезда Витебской губернии в семье служащего. В 1921–1923 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова.

С 1923 г. по комсомольской мобилизации работал следователем в органах прокуратуры Орехова-Зуева, Москвы, Ленинграда. С 1935 г. – начальник следственного отдела Прокуратуры СССР.

На способного молодого работника обратило внимание руководство. Тогдашний Прокурор Союза ССР Акулов (позднее один из подследственных Шейнина) по рекомендации Вышинского взял его с собой в Ленинград, где проводилось расследование убийства С. М. Кирова. Поскольку следствие «вершил» лично Сталин со своими подручными Ягодой, Ежовым, Аграновым, роль Акулова была там второстепенной, а уж Шейнина – тем более. Тем не менее участие в этом деле дало ему возможность выдвинуться – скоро он стал правой рукой Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского. Видимо, это и спасло Шейнина от участи многих прокуроров, попавших в жернова сталинских репрессий конца 1930-х гг. То и дело «ставили к стенке» то одного, то другого очередного «заговорщика» – неудивительно, что имя Льва Шейнина тоже фигурировало в некоторых протоколах допросов. Но ход этим показаниям сразу почему-то не дали.

Следственным отделом Прокуратуры Союза ССР Шейнин

руководил более 12 лет и слыл большим «спецом» по политическим делам.

С октября 1945 г. принимал участие в работе Нюрнбергского трибунала, был помощником Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделу обвинения «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности». Участвовал в освещении процесса в печати.

Благосклонность к нему власти предрежащей была поразительна – правительственные награды, в том числе орден Ленина, заграникомандировки (даже во время войны!), материальное благополучие. Возможно, дело было в том, что кто-то из сотрудников госаппарата высших партийных органов высоко ценил его писательский талант. Его имя было широко известно, особенно в начале 1950-х гг. Тогда у нас практически не печатали детективную литературу – ни Агату Кристи, ни Жоржа Сименона, – поэтому его неприязательные «Записки следователя» стали очень популярными. Он писал пьесы (в соавторстве с братьями Тур), киносценарии, ставил спектакли. Знаменитый фильм «Встреча на Эльбе» принес ему Сталинскую премию.

Он был вхож в тогдашние «звездные круги» – вращался среди писателей, артистов, художников, ученых, спортсменов, политиков. Гонорары получал немалые – хватило и на машину «Победа», доступную для немногих избранных, и на двухэтажную дачу в Серебряном Бору, и на богатый гардероб. Образ жизни вел довольно свободный, хотя был женат.

Меж московских интеллектуалов после войны ходила стихотворная байка: «На берегах литературы пасутся мирно братья Туры, и с ними, заводя амур, Лев Шейнин из прокуратуры».

Тучи над его головой начали сгущаться в конце 1940-х гг. В 1949 г. его освобождают от должности, не объясняя причин. Обещали поставить директором Института криминалистики, но назначение так и не состоялось. Шейнин выжидает, сидя дома, занимается литературой, но почву зондирует постоянно. Наверняка он знал, что ему грозит, – на одной из вечеринок подвыпивший сотрудник «органов» сболтнул: «Эх, Лева, Лева, старый уголовник, умная у тебя башка, но все же мы за тебя взяли». Незадолго до ареста то же самое он услышал от знакомого драматурга – один из сотрудников госбезопасности посоветовал тому держаться подальше от Шейнина, «которого скоро посадят».

В то время, особенно после гибели Михоэлса, власти усиленно будировали так называемый еврейский вопрос. Для того чтобы его раскрутить, следовало найти «заговорщиков». Шейнин оказался очень кстати – прокурор, писатель, он имел весьма обширные связи в еврейской среде. К тому же все знали, что хитрый и осторожный Шейнин был изрядно труслив. Не было секретом, что этот «любитель ночных бдений» сам панически боялся допросов с пристрастием. По свидетельству знакомых, человеком он был нестойким, ненадежным, способным изменить взгляды и привязан-

ности в любой момент.

Его арестовали 19 октября 1951 г. В постановлении на арест указывалось: «Шейнин изобличается в том, что, будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во вражеской связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и советского правительства». Арест санкционировал Генеральный прокурор Союза ССР Г. Н. Сафонов.

Шейнин не возлагал надежд на то, что Прокуратура СССР поможет ему вырваться из тюрьмы. Поэтому он пошел путем, казавшимся ему наиболее эффективным, – стал строить заявления лично первым лицам государства: Сталину, Берии, Игнатьеву, Поскребышеву и другим. Язык у литератора был подвешен неплохо. В письме Сталину, написанному в июле 1952 г., хитрый Шейнин сообщал: «У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесенные физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь».

После смерти Сталина многие дела стали прекращаться, но Льва Романовича продержали в тюрьме еще более восьми

месяцев. Он резко изменил свои показания, многое из сказанного стал отрицать. Писал многостраничные заявления руководству МВД: «Я «признавал» факты, в которых нет состава преступления, что я всегда могу доказать. Следовательно же в тот период интересовали не факты, а сенсационные «шапки» и формулировки. Чтобы сохранить жизнь и дожить до объективного рассмотрения дела, я подписывал эти бредовые формулировки, сомнительность которых очевидна... Я не перенес бы избиений».

Дело было прекращено только 21 ноября 1953 г.

С 1950 г. Шейнин занимался только литературной работой. Выступил организатором движения «Явка с повинной».

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Члены Международного военного трибунала

НИКИТЧЕНКО Иона Тимофеевич (1895–1968) – деятель советской военной юстиции, генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Председателем военного трибунала стал в годы Гражданской войны. Занимал руководящие посты в судебных органах СССР, неоднократно избирался членом Верховного суда СССР.

В июне 1945 г. возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне о создании Международного военного три-

бунала, участвовал в выработке его Устава. Как представитель СССР входил в число членов Нюрнбергского суда.

Среди судей пользовался большим уважением. На процессе его называли «судьей жесткого курса». И. Т. Никитченко корректно, но решительно пресекал попытки подсудимых и их адвокатов извращать истину, задавать свидетелям наводящие вопросы, представлять сомнительные доказательства, затягивать процесс.

Выступал за наказание военных преступников в полную меру их доказанных злодеяний. В Нюрнберге выступил с особым мнением, касающимся оправдания Шахта, Папена, Фриче, неприменения смертной казни к Гессу, непризнания преступными организациями гитлеровского правительства, Верховного командования и Генерального штаба вермахта.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

ВОЛЧКОВ Александр Федорович (1902–1978) – специалист по международному праву, подполковник юстиции. Занимал должности следователя, прокурора. С 1931 г. работал в наркомате иностранных дел, в годы войны – в Наркомате юстиции. На Нюрнбергском процессе был заместителем члена трибунала от СССР, получил признание как квалифицированный и принципиальный юрист. В 1960–1970 гг. возглавлял Инюрколлегию. Занимался преподавательской деятельностью, написал ряд работ по международному праву.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

Следственная группа при Главном обвинителе от СССР

АЛЕКСАНДРОВ Георгий Николаевич (1902–1979) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Участник Гражданской войны. С 1934 г. работал в Прокуратуре СССР на ответственных должностях. С сентября 1945 г. был в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В ходе процесса допрашивал Шахта, Шираха, Заукеля, свидетелей. В дальнейшем много занимался организацией розыска и осуждения скрывающихся нацистских преступников.

Г. Н. Александров являлся ученым секретарем Научно-методического совета при Прокуратуре СССР. Ему принадлежат многие публикации по вопросам уголовного права и криминалистики. Он автор книги «Нюрнберг вчера и сегодня» и других произведений, разоблачающих преступления нацистов.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

ОРЛОВ Николай Андреевич (1908–1970) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го

класса. С 1933 г. работал в органах прокуратуры. На Нюрнбергском процессе входил в состав следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В дальнейшем плодотворно трудился в сфере прокурорского надзора за исполнением законов и постановлений по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних. Награжден орденом «Знак Почета».

ПИРАДОВ Сергей Каспарович (1893–1974) – специалист в области права, полковник юстиции. С 1923 г. работал в органах прокуратуры. Занимал ответственные должности в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. На обоих участках внес заметный вклад в укрепление законности и правопорядка. Участвовал в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды.

РОЗЕНБЛИТ Соломон Яковлевич (1897–1969) – специалист в области права, кандидат юридических наук, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Затем работал военным следователем. С 1929 г. – военный прокурор. С 1941 г. – на руководящих должностях в Главной военной прокуратуре. На Нюрнбергском процессе входил в следственную группу при Главном обвинителе от СССР. В

1946 г. был помощником заместителя обвинителя от СССР на Токийском процессе над японскими военными преступниками. С 1950 г. – научный сотрудник Института криминалистики Прокуратуры СССР. Автор научных трудов и практических пособий для юристов. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени.

Консультант

ТРАЙНИН Арон Наумович (1883–1957) – специалист в области права, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор МГУ. Во время Нюрнбергского процесса был консультантом советской делегации. Автор монографий, книг, статей по проблемам ответственности нацистских военных преступников. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Судьи от стран-союзниц

ЛОРЕНС Джеффри (1880–1947) – видный специалист в области права, лорд-судья Великобритании. С 1906 г. – адвокат высшей квалификации (барристер). Участник Первой мировой войны. С 1925 г. – королевский советник. В 1924–1946 гг. – мировой судья (рикордер) в Оксфорде, одновременно судья по допросу свидетелей по делам, связанным с

церковным правом. Генеральный атторней при принце Уэльском.

В сентябре 1945 г. назначен членом Международного военного трибунала в Нюрнберге. В октябре 1945 г. избран председателем суда. Пользовался уважением коллег из стран антигитлеровской коалиции. Строго следил за соблюдением Устава трибунала.

БИДДЛ Фрэнсис (1886–1968) – специалист в области права, государственный деятель США. С 1912 г. – член Ассоциации юристов штата Пенсильвания. В 1922–1926 гг. – помощник Генерального атторнея США в восточном округе штата Пенсильвания. Работал в частных юридических фирмах, в том числе в фирме «Барнс, Биддл и Майерс». С 1940 г. – заместитель министра юстиции США, с 1941 г. – министр юстиции.

Был членом Международного военного трибунала в Нюрнберге от США.

Доктор права Бостонского университета. Автор книг.

ДЕ ВАБР Анри Доннедье (1886–1964) – специалист в области уголовного и международного права, профессор Парижского университета. Участвовал в разработке Устава Международного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен членом трибунала от Франции. Автор книг и публикаций по юридическим вопросам.

Помощники судей

БИРКЕТТ Уильям Норман (1883–1963) – специалист в области права, политический деятель. Был членом парламента Великобритании. С 1924 г. – королевский советник. С 1941 г. – судья отделения Королевской скамьи Высокого суда. В 1950–1957 гг. – лорд-судья Высокого апелляционного суда. В сентябре 1945 г. был назначен заместителем члена Международного военного трибунала от Великобритании. Являлся почетным доктором права университетов Лондона, Бирмингема, Кембриджа, Халла.

ПАРКЕР Джон Джонстон (1885–1965) – специалист в области права, политический деятель. С 1923 г. – специальный помощник министра юстиции США. С октября 1925 г. – окружной федеральный судья, член сенатской комиссии по подготовке новой редакции конституции штата Северная Каролина. В сентябре 1945 г. назначен заместителем члена Международного военного трибунала от США.

ФАЛЬКО Робер (1897–1979) – видный специалист в области права. Участник Первой мировой войны. На протяжении многих лет – судья-магистрат. Член Высшего кассационного суда Франции. В составе французской делегации участвовал в разработке Устава и Регламента Международ-

ного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен заместителем члена трибунала от Французской Республики. На процессе занимал твердую, активную позицию и действовал в строгом соответствии с Уставом трибунала.

Главные обвинители

ДЖЕКСОН Роберт Хауорт (1892–1954) – видный специалист в области права, государственный деятель. Родился 13 февраля 1892 г. в штате Пенсильвания. В 1913 г. занялся частной юридической практикой в Джеймстауне, штат Нью-Йорк, и довольно быстро стал заметной фигурой в нью-йоркских апелляционных судах. Отличался независимостью и прямоотой суждений. В 1934–1938 гг. – генеральный советник Департамента налогов и сборов, помощник министра юстиции США. Поддерживая политику президента Рузвельта, активно проводил антимонопольные мероприятия. С 1938 г. – заместитель министра юстиции. В январе 1940 г. назначен министром юстиции и помощником президента Рузвельта. Джексон становился популярной фигурой. Пресса называла его в числе возможных кандидатов в президенты. С июля 1941 г. – член Верховного суда США.

Джексон возглавлял делегацию США на встрече союзников в Лондоне по созданию Международного военного трибунала. В Нюрнбергском процессе участвовал как Главный обвинитель от США. В ходе заседаний занимал активную по-

зицию, демонстрировал четкие представления о правосудии и справедливости.

Джексон предупреждал, что никакие судебные процессы не обезопасят человечество, если в новых условиях будет проводиться старая политика в германском вопросе. Во вступительной речи на процессе, произнесенной 21 ноября 1945 г., он отметил: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся».

Почетный доктор права университетов Брюсселя, Варшавы, Дортмунда, Сиракуз.

ШОУКРОСС Хартли Уильям (1902–2004) – видный юрист, политический деятель. В 1945–1958 гг. – член парламента Великобритании от лейбористской партии. С 1944 г. – член консультативного совета министра внутренних дел по обращению с правонарушителями. С 1945 г. занимал пост Генерального атторнея страны.

На Нюрнбергском процессе выступал Главным обвинителем от Великобритании. Назначение Шоукросса в Нюрнберг совпало с началом его деятельности на посту Генерального прокурора Великобритании. Видимо, поэтому он ненадолго отлучался с родины и находился на процессе незначительное время. Выступил со вступительной и заключительной реча-

ми. Фактически английскую делегацию возглавлял заместитель Главного обвинителя сэр Дэвид Максуэлл-Файф.

В 1945–1949 гг. – постоянный представитель Великобритании в ООН. В 1951 г. – министр торговли. В 1962 г. – руководитель Королевской комиссии по прессе и Международной торговой палаты. В 1950–1967 гг. – член Арбитражного суда в Гааге. В 1956–1973 гг. – председатель британского отделения Международной комиссии юристов и член совета Ассоциации международного права.

ДЕ МЕНТОН Франсуа (1900–1962) – политический и государственный деятель. Избирался президентом ассоциации мэров Верхней Савойи. В 1943–1944 гг. – комиссар юстиции во Французском комитете национального освобождения. После войны – министр юстиции, министр национальной экономики, президент Европейской консультативной ассамблеи, вице-президент комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции.

На встрече союзников в Лондоне участвовал в создании Международного военного трибунала, выработке его Устава и Регламента. На процессе в Нюрнберге был Главным обвинителем от Франции. Здесь он находился непостоянно. В его отсутствие работу вел заместитель Шарль Дюбост. В январе 1946 г. де Ментон вернулся во Францию. В Нюрнберге его заменил Шампетье де Риб.

В соответствии с соглашением между обвинителями о

распределении труда французские обвинители представляли суду материалы о преступлениях германского фашизма также против Бельгии, Голландии, Люксембурга. Несомненный вклад сделали они в раскрытие таких тяжких злодеяний, как расправы над участниками движения Сопротивления и заложниками, насильственное использование труда покоренных народов, экономическое разграбление оккупированных территорий.

ДЕ РИБ Шампетье (1882–1947) – политический и государственный деятель. Председатель Французской демократической народной партии. С 1934 г. – член парламента Франции, неоднократно занимал министерские посты. Кабинет министров, в составе которого был де Риб, в 1939 г. объявил войну Германии. В дальнейшем, в 1940 г., выступил против маршала Петена. За оппозиционную деятельность против правительства Виши был интернирован. В августе 1944 г. – вице-президент Комитета освобождения Нижних Пиренеев. С ноября 1944 г. – член Временной консультативной ассамблеи. С января 1946 г. – Главный обвинитель от Франции на Международном военном трибунале в Нюрнберге.

Глава 9

«Майн кампф»: война как благо для Германии

Знатоки утверждают, что книга Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба») в первоначальном виде оставляла жалкое впечатление из-за огромного количества изъянов: многословия, неправильных грамматических конструкций, крикливости. По некоторым данным, в ней содержалось 164 000 синтаксических ошибок. Многократный повтор тезисов, изобилие пафосных высказываний, весьма полезные в публичных речах, мастером которых Гитлер несомненно являлся, будучи перенесенными на бумагу, могли вызвать недоумение и раздражение. Первое издание имело длинное и невразумительное название: «4 1/2 года борьбы против лжи, глупости и трусости». Сократил его до двух слов «Моя борьба» один из последующих издателей.

Тем не менее «Майн кампф» быстро завоевала популярность. Еще до прихода Гитлера к власти разошлось более 5 миллионов экземпляров. Необычная книга, наполненная новыми и радикальными идеями, явно понравилась немцам. И не одним немцам – ее перевели на 11 языков.

Причина, наверное, в том, что семена зла способны прорасти быстрее семян добра. А в Германии 20-х гг. прошло-

го века они упали на подготовленную почву.

Гитлер надиктовал половину своего главного труда соратникам Морису и Гессу, коротая время в тюрьме, куда попал вместе с группой товарищей по партии после неудачного «пивного путча» 1923 г. Условия там были совсем не такие, какие будут установлены в нацистских концлагерях. У каждого была своя спальня и индивидуальная ванная с горячей водой. Будущий фюрер иногда завтракал в постели, шесть часов в день разрешалось гулять в саду.

Гесс после путча сначала скрывался, но потом, узнав из газет о необычайно мягком приговоре, вынесенном Гитлеру, добровольно приехал в Мюнхен и получил 18 месяцев заключения. Фюрер отсидел 9 месяцев, Гесс – 6, а затем они вышли из тюрьмы по амнистии. Вторую часть книги Гитлер написал уже на свободе, в 1925–1927 гг.

Это было время тяжелого кризиса, вызванного поражением Германии в Первой мировой войне, условиями Версальского договора 1919 г., унижительными и разорительными для побежденной страны. Затем к тяготам германского происхождения добавилось давление мирового экономического кризиса. Бедность, безработица, недоедание были спутниками миллионов немцев.

И вот в эту серую, беспросветную жизнь вторгается человек, утверждающий, что немцы выше других наций, что они – раса господ и должны владеть миром и мир должен им покоряться. Весьма амбициозные идеи, лестные посулы запали

в душу многим немцам.

Гитлер дал свои ответы на многие злободневные вопросы. Он неожиданно для всех «открыл» глаза соотечественникам на новых врагов нации, якобы виновных в военной неудаче Германии и во всех других несчастьях. Ими оказались евреи – «паразиты на теле других народов». Именно они нанесли «удар кинжалом в спину» во время Первой мировой войны. Во множестве пассажей он доказывал величие «арийской расы» – носителей «чистой крови» и убожество «недочеловеков»-евреев.

Новоявленный вождь предложил и средство прихода к господству – войну, и только войну! «Доктрины, проповедующие мирное решение вопросов, представляют опасную для Германии слабость», – утверждал он, и немцы, мечтавшие о реванше после поражения в 1919 г., мысленно с ним соглашались.

К тому же Гитлер указывал, как именно нужно действовать на этот раз, чтобы добиться успеха. Традиционное направление военных походов на юг и запад Европы – неправильное, нужно двинуться на восток, по пути тевтонских рыцарей, и завоевать земли «силой торжествующего меча», учил он.

Задолго до прихода Гитлера к власти открыто и громко зазвучала его проповедь национальной исключительности и агрессивной войны. Более того, еще тогда он называл и страну, за счет которой должна увеличиться Германия: «Но когда мы

сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с ней государства».

Перед тем как завоевательные войны стали реальностью, прошли годы интенсивной нацистской пропаганды, основанной на выкладках из «Майн кампф» – библии немецкого фашизма. Не откажешь в точности формулировок бывшему командующему войсками СС, а впоследствии свидетелю на Нюрнбергском процессе Бах-Зелевски. Дескать, если 10 лет вдалбливать немцам, что славянские народы – «низшая раса», а евреи – «недочеловеки», то убийство миллионов этих людей становится естественной целью.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЭЛВИНОМ ДЖОНСОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК БАЗА АГРЕССИИ»

[Из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 8 января 1946 г.]

Господа судьи, мой долг теперь привлечь внимание трибунала к документу, идеи которого стали символом веры всех подсудимых. Я имею в виду книгу Гитлера «Майн кампф», которая дала возможность подсудимым заранее знать преступные цели нацистских руководителей.

Эта книга может быть названа основным планом нацистской агрессии. Весь ее тон и содержание подтверждают мнение обвинения о том, что стремление нацистов к осуществлению агрессивных целей не было случайным и не вытекало непосредственно из той политической ситуации в Европе и в мире, которая существовала в период нацистской власти. Книга недвусмысленно устанавливает, что использование агрессивных войн для достижения цели во внешней политике было частью идеологии нацистской партии. Великий германский философ однажды сказал, что «идея имеет ноги и руки». Целью этих подсудимых было сделать идею доктриной и политику «Майн кампф» политическим руководством к действию для германского народа, в особенности для молодежи.

Как уже показали трибуналу мои американские коллеги, с 1933 по 1939 год проводилось упорное вдалбливание идей «Майн кампф» во всех школах и университетах Германии, в рядах «Гитлеровской молодежи» под руководством подсудимого Бальдура фон Шираха, а также в СА, СС и среди германского населения в целом через организацию подсудимого Розенберга.

Эта книга служила официальным подарком для всех молодоженов Германии, и я теперь передаю трибуналу один из этих «свадебных подарков», которые вручались новобрачным в Германии. Трибунал увидит, что на титульном листе имеется посвящение. Оно гласит: «Молодоженам Фридриху Розброку и Эльзе

Бек с лучшими пожеланиями счастливого брака. Вручено районной администрацией по случаю их бракосочетания 14 ноября 1940 г. За мэра города – регистратор».

Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа...

Генерал СС фон дем Бах-Зелевски сказал здесь, что, «если вы проповедуете в течение десяти лет, что славянские народы являются низшей расой и что евреи «недочеловеки», логически должно последовать, что убийство миллионов этих людей становится естественным явлением». От «Майн кампф» прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майданека.

Каковы были идеи «Майн кампф», я постараюсь показать трибуналу в цитатах. Эти цитаты распадаются на две категории. Первая категория – выражение общих идей Гитлера о необходимости применения силы как средства разрешения международных проблем. Вторая категория содержит более детальные высказывания Гитлера по поводу политики, которой должна следовать Германия. Большая часть цитат второй категории содержит взгляды Гитлера на внешнюю политику. Значение этого факта может быть оценено полностью, если трибунал обратит внимание на то, что вторая часть книги была впервые издана в 1927 г., то есть меньше чем через два года после Локарнского пакта и через несколько месяцев после вступления Германии

в Лигу Наций. Дата издания уличает их в отказе от политики международного сотрудничества. Я приведу прежде всего несколько цитат, которые показывают, каковы были общие взгляды Гитлера, принятые и пропагандировавшиеся этими подсудимыми, на общие вопросы войны и агрессии.

«Земля, на которой мы живем, не была даром, ниспосланным небом нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Так же и в будущем наш народ не получит территорию и вместе с ней средства к существованию, не получит ее в качестве подарка от другого народа. Он должен будет завоевать ее силой торжествующего меча. Я считал незаслуженным ударом судьбы, что я родился на этой планете. Мне было грустно, что жизнь моя должна пойти по мирному пути».

«Еще будучи мальчиком, я был всем, чем угодно, только не пацифистом. Всякие попытки сделать меня пацифистом оказались бесплодными».

Ссылаясь на Мольтку, Гитлер писал, что «во время войны самое важное – это как можно скорее принять решение» и что «самые безжалостные методы борьбы являются в то же время самыми человечными».

Обвинение покажет в ходе процесса, как преданно подсудимые следовали этой теории безжалостного применения силы. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за существование изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев в силу этого превосходства господствовать

над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей.

«Если бы они не могли использовать членов низшей расы, которых они победили, арийцы никогда не имели бы возможности сделать первые шаги по пути, который вел их к более высокой культуре. Подобным же образом, как без некоторых домашних животных, которых они сумели приручить, они никогда не сумели бы открыть механическую силу, которая впоследствии дала возможность обходиться без этих животных. Именно поэтому господство над низшими расами является одной из важнейших предпосылок для достижения этой высокой культуры».

«Если в своем историческом развитии германский народ обладал бы стадными инстинктами, которыми так счастливо пользуются другие народы, германская империя, быть может, уже сегодня могла бы стать госпожой всего мира».

...Основное в этой книге – и это повторяется снова и снова – это проповедь организации и применения силы, проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также утверждение, что все доктрины, которые проповедуют мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость.

Во всех этих аргументах заключено резкое отрицание возможности регулирующего действия закона в международных отношениях.

Именно в свете этой общей доктрины «Майн кампф» я прошу трибунал рассмотреть более подробно отдельные высказывания Гитлера о специфических проблемах германской внешней политики.

«Я считаю, – писал Гитлер, – что германская Австрия должна быть возвращена великой германской родине. Речь ни в коем случае не идет об экономических расчетах. Нет, нет. Если бы этот союз даже не имел никакого экономического значения и даже если бы он был вреден с точки зрения экономической, тем не менее это должно было бы свершиться».

«Когда территория Германии охватит всех германцев, и если после этого они не сумеют получить достаточно средств к существованию, тогда Германия получит моральное право, исходя из потребностей народа, захватывать иностранные территории. Затем орала будут сменены на мечи, и слезы войны дадут тот хлеб насущный, который необходим будущим поколениям».

В этой книге Гитлер также заявляет, что полное восстановление германских границ в том виде, в каком они существовали в 1914 г., совершенно недостаточно для его целей.

«Для будущего германской нации границы 1914 года не имеют значения». «Мы, национал-социалисты, должны твердо придерживаться той цели во внешней политике, которую мы наметили для себя, а именно: германскому народу должно быть обеспечено территориальное пространство, необходимое ему для

существования на земле».

Отрывки из «Майн кампф» показывают, где Гитлер собирался найти эти территории вне пределов германских границ 1914 г.

«...Единственной возможностью для Германии проводить правильную территориальную политику – это политика приобретения новой территории в самой Европе».

«...Политическое руководство германской империей должно направить все свои усилия исключительно к этой цели. Не следует предпринимать никаких политических шагов для того, чтобы проводить в жизнь другие цели, кроме этой; не следует также проводить какие-либо мероприятия, не ведущие к достижению поставленной цели. Германия должна твердо знать, что такая цель может быть достигнута только путем войны и перед лицом неизбежности этой войны нужно стоять всем вместе спокойно и с решимостью. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать и оценивать всю систему союзных договоров».

«Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России. И снова германская империя должна пойти по той же дороге, по которой прежде шли тевтонские рыцари, на этот раз для того, чтобы приобрести земли для германского плуга с помощью германского меча и, таким образом, добыть для нации ее хлеб насущный».

...К этой программе экспансии на восток Гитлер

возвращается не раз. После того как он говорит о недостаточности границ Германии в довоенный период, он снова указывает на восток и заявляет, что снова необходим «поход на Восток» («Дранг нах Остен»).

Он пишет: «Поэтому мы, национал-социалисты, намеренно зачеркнули линию, которой Германия следовала в международной политике в довоенный период. Мы покончили с традиционными германскими походами на юг и запад Европы, мы обратили наши глаза на Восток. Мы положили конец колониальной и торговой политике предвоенной эпохи и пришли к новой территориальной политике будущего. Но когда мы сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с нею государства».

Гитлер был достаточно умен, чтобы понять, что его агрессивные планы на Востоке могли быть подвергнуты опасности в случае существования оборонительного союза между Россией, Францией и Англией. Поэтому его внешняя политика, изложенная в книге «Майн кампф», заключалась в том, чтобы оттянуть Италию и Англию от Франции и России и перейти от оборонительной позиции Германии в отношении Франции к наступательной.

«Поскольку вечный конфликт между Францией и Германией сейчас принял форму германской обороны против нападения Франции, этот конфликт никогда не разрешится. Из столетия в столетие Германия будет терять одну позицию за другой. Если мы изучим все

перемены, которые произошли начиная с XII века до сегодняшнего дня, в границах, внутри которых говорят на немецком языке, мы едва ли сумеем надеяться на успешный исход в результате принятия нами линии поведения, которая существовала до сих пор и была столь вредной для нас. Только когда Германия примет все это во внимание, мы перестанем обречать национальную волю к жизни на прозябание в пассивной обороне. Нет, мы объединим ее для последней и решительной схватки с Францией. В этой схватке мы будем бороться за жизненные требования германского народа. Только таким образом будет положен конец вечному франко-германскому конфликту, который был таким истоющим».

...Доказательства, заключенные в книге «Майн кампф», будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого Гитлер и его сообщники – подсудимые – были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей. Мы узнали, что «Майн кампф» – не просто литературное упражнение, которым следует пренебречь, как это, к сожалению, рассматривали до войны те, кому она угрожала. Она есть выражение фанатической веры в силу и обман как орудия господства в Европе и, может быть, во всем мире.

Обвинение считает, что, принимая и пропагандируя

звериную философию «Майн кампф», нацистские сообщники, обвиняемые здесь перед судом, намеренно толкали нашу цивилизацию в пропасть войны.

Глава 10

СССР, разделенный на части

Вместе с главными обвинителями в процессе активно участвовали их заместители и помощники. Они развивали и конкретизировали обвинения и доказательства по отдельным направлениям, детализировали вину каждого из подсудимых. Помощник Главного обвинителя от США Вальтер Брудно выступил по делу Альфреда Розенберга – главного идеолога нацизма, заместителя Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов НСДАП, рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий. Нашумевшая книга Розенберга «Миф XX века» представляла собой философское и теоретическое обоснование расизма.

Задачей суда было разоблачение и тех преступлений, которые совершались за письменным столом. Занятия доктора Розенберга не были простой игрой ума. Его человеконенавистнические идеи были основой для строительства репрессивной машины национал-социализма на огромных территориях. Еще 9 мая 1941 г. Розенберг изложил Гитлеру план расчленения земель, которые планировалось захватить на Востоке, на пять губернаторств.

В первое из них – «Остланд» – предполагалось включить Латвию, Эстонию, Литву и Белоруссию и онемечить в те-

чение двух поколений. Вторым губернаторством мыслилась Украина с некоторыми прилегающими территориями, третьим – Кавказ, но без нефтеносных районов, которыми должны были владеть непосредственно немцы, четвертым – собственно Россия, пятым – Туркестан. Второе губернаторство должно было служить особой опорой Германии в контроле над четвертым.

В числе избранных территорий благодатный Крым предполагалось включить в состав рейха. Розенберг придумывал для городов полуострова немецкие названия. Симферополь он хотел превратить в Готенбург, Севастополь – в Теодорихсхафен...

Только мужество и стойкость Красной армии помешали гитлеровцам реализовать эти планы в полной мере.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ США ВАЛЬТЕРА БРУДНО ПО ДЕЛУ ПОДСУДИМОГО РОЗЕНБЕРГА

[Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 9 января 1946 г.]

Подсудимому Розенбергу предъявлено обвинение по всем четырем разделам обвинительного акта. Представляя доказательства обвинения, я покажу, что Розенберг играл особенно важную роль в развитии и проведении в жизнь доктрин заговора, в развитии и внедрении убеждений, практически не

совместимых с христианским учением, в искоренении влияния церкви на германский народ, при проведении программы безжалостного истребления евреев и внесения изменения в систему образования с целью сделать германский народ послушным орудием в руках заговорщиков и подготовить население в моральном смысле для ведения агрессивной войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.